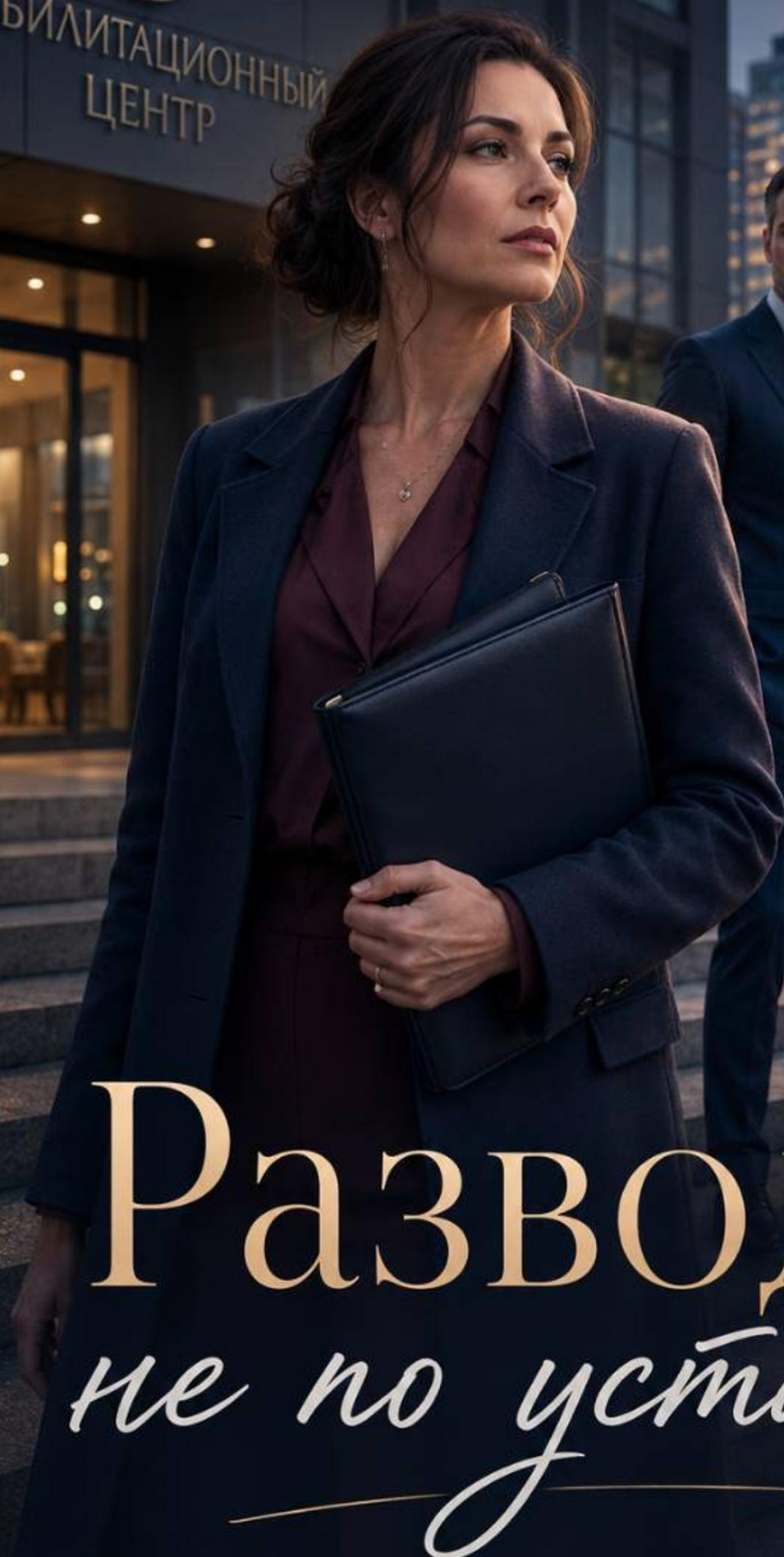

ТАИСИЯ ЛОГОВСКАЯ

РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ
ЦЕНТР

ВОССТАНОВЛЕНИЕ
ОПОРЫ
ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД
НОВАЯ ЖИЗНЬ

Развод *не по уставу*

Таисия Логовская

Развод не по уставу

«Автор»

2026

Логовская Т.

Развод не по уставу / Т. Логовская — «Автор», 2026

На юбилее реабилитационного центра мой муж-полковник объявил, что я добровольно ухожу с должности. Через несколько минут мне вручили иск о разводе и приказ об увольнении с электронной подписью. Пятнадцать лет я помогала Виктору строить карьеру и создавала программу, которой гордится гарнизон. Пока он присваивал мой труд, кто-то оформил на моё имя спорные контракты и сделал меня виновной. До аккредитации двадцать один день. Чтобы сохранить центр, профессию и доверие сына, мне придётся публично разрушить репутацию человека, с которым я прожила жизнь. Руководитель аудита Алексей Гранов не верит ни мужу, ни мне. Для него я не жертва, а участница схемы. Но чем глубже мы восстанавливаем цепочку доказательств, тем яснее: холодный проверяющий — первый мужчина, способный остановиться у моей границы. Я больше не соглашусь исчезнуть из собственной истории. Даже если за право поставить под ней свою подпись придётся заплатить семьёй, жизнью и новым чувством, которому я не готова доверять.

© Логовская Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	49
Гл	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Таисия Логовская

Развод не по уставу

Глава 1

За семь минут до начала юбилея у нас пропадает изображение на главном экране.

Музыка играет. Гости рассаживаются. На сцене светится только белый прямоугольник с надписью: «Нет сигнала».

— Кабель, — говорю я.

— Проверили дважды, — Яна уже стоит на коленях возле стойки с аппаратурой.

— Значит, проверим в третий.

Я снимаю туфли, чтобы не зацепиться каблуком за провода, и лезу под стол. Здесь пахнет пылью, нагретым пластиком и кофе, который кто-то успел пролить на удлинитель. Прекрасное начало торжественной церемонии. Пятнадцать лет центру, три месяца подготовки и один кабель, решивший напомнить, кто в здании главный.

— Марина Сергеевна, представители фонда приехали, — сообщает сверху администратор.

— Пусть раздеваются.

— Они уже разделись.

— Тогда пусть гордятся нашей технической независимостью.

Я нахожу расшатанный разъём и вдавливаю его до щелчка. Экран оживает. На нём появляется фотография первого кабинета «Рубежа»: облупленная стена, складной стол, два разных стула.

И я.

На снимке мне двадцать два — ровно пятнадцать лет назад. Волосы собраны карандашом. В руках папка с первой программой реабилитации. Рядом Виктор — без полковничьих погон, зато с тем взглядом, из-за которого я когда-то решила, что рядом с этим мужчиной можно ничего не бояться.

— Есть! — выдыхает Яна.

Я выбираюсь из-под стола и надеваю туфли.

Под старой фотографией крупно написано:

«Проект создан при поддержке командования гарнизона».

Моя фамилия исчезла.

Я перечитываю строку. Потом ещё раз.

Буквы не меняются.

— Кто правил презентацию?

Яна смотрит на экран и хмурится.

— Утром всё было иначе.

— Я правила, — раздаётся за спиной.

Ксения Радина стоит у прохода. Светлый костюм. Тонкая золотая цепочка. Новый бейдж с эмблемой «Рубежа». Нижнюю строку закрывает край жакета.

— Зачем? — спрашиваю я.

— Привела формулировки в соответствие с новым позиционированием.

— Каким новым позиционированием?

Она улыбается. Губами. Глаза остаются холодными.

— Виктор Андреевич всё объяснит.

— Я спросила вас.

— А я ответила.

В зале продолжают звучать голоса. Кто-то смеётся возле гардероба. Представители фонда листают буклеты. Фотограф просит сотрудниц встать ближе к баннеру. Обычный праздничный шум.

Только у меня под рёбрами медленно затягивается узел.

Ксения подходит к сцене. На столе возле кулисы стоят две таблички. На моей написано:

«Марина Орлова. Исполнительный директор».

Вторая повернута боком. Я вижу фамилию Ксении и последнее слово:

«...программы».

Делаю шаг к столу.

— Марина Сергеевна!

Меня перехватывает представитель фонда. Невысокий мужчина в синем галстуке. Мы три недели переписывались по поводу вечерних групп.

— Вы сохранили занятия для семей?

— Да. Два раза в неделю.

— В новом бюджете я их не нашёл.

Смотрю на него.

— Каком новом бюджете?

— Который прислали вчера.

Он уже открывает папку, но ведущая просит гостей занять места. Разговор обрывается. Мужчина обещает показать документ после церемонии.

Вчера.

Новый бюджет. Новая презентация. Новая табличка.

Без меня.

Виктор появляется за пять минут до начала. Не входит — появляется. В парадной форме, с прямой спиной и тем спокойным выражением лица, которое у него возникает перед хорошо подготовленной операцией.

Люди сразу тянутся к нему. Рукопожатия. Поздравления. Фотографии.

Он движется через зал, а пространство расступается само.

Останавливается рядом со мной. Ладонь ложится на локоть.

— Всё готово?

Пальцы сжимают чуть сильнее, чем нужно.

— Кто изменил презентацию?

— Марин, не сейчас.

— Там убрали мою фамилию.

— Мы не на семейной кухне.

— Именно поэтому спрашиваю спокойно.

Он поворачивается к фотографу и улыбается. Его рука всё ещё на моём локте.

Щёлкает камера.

Только после этого Виктор отпускает меня.

— Центр существует благодаря поддержке гарнизона, — произносит он негромко. — Это факт.

— Программу создала я. Это тоже факт.

— Ты снова цепляешься за слова.

— Моё имя — не слово?

На секунду его лицо становится пустым. Без улыбки. Без раздражения. Просто закрытая дверь.

— После церемонии.

— Почему не сейчас?

— Потому что через двадцать один день аккредитация. Потому что в зале фонд. Потому что взрослые люди умеют выбирать время.

Он отходит раньше, чем я успеваю ответить.

Взрослые люди.

Я пятнадцать лет слышу эту формулировку, когда должна промолчать.

Ведущая выходит на сцену. Свет в зале гаснет. Разговоры стихают.

Я сажусь в первом ряду и кладу планшет на колени. На экране открыт отчёт по гранту. После выступления Виктор должен передать слово мне. Я расскажу о результатах программы. Отвечу на вопросы фонда. Потом потребую вернуть авторство на слайд.

Потом.

Удобное слово. Мягкое. Безопасное.

За ним можно спрятать всё, что страшно сделать сейчас.

Виктор поднимается на сцену.

— Дорогие друзья...

Голос у него ровный, уверенный. Он говорит без бумажки. Называет цифры, которые я проверяла сегодня в шесть утра. Четыре тысячи участников программ. Два отделения. Семьдесят три специалиста. Сотни семей.

Каждую цифру он произносит как свою.

— Мы начинали почти с нуля...

На экране сменяются фотографии.

Первый кабинет.

Ремонт.

Групповые занятия.

Спортивный зал.

Моя команда работает, спорит, держит пациентов за руки, помогает заново учиться ходить, говорить с детьми, возвращаться домой.

Виктора почти нет на снимках.

Зато в речи он везде.

Я сжимаю стилус. Пластик впивается в палец.

Пусть говорит. Главное — финансирование.

Центр важнее фамилии.

Люди важнее моей обиды.

Я повторяю эти мысли, как инструкцию при пожаре. Только дым уже в лёгких, а выхода я пока не вижу.

— Сегодня мы открываем новый этап, — говорит Виктор.

Ксения подходит ближе к сцене.

У неё в руках папка с новой эмблемой.

— Изменения всегда требуют мужества.

Я перестаю дышать.

Он ещё ничего не сказал. Но тело понимает раньше головы. Плечи каменеют. В пальцах появляется холод.

— Отдельно я хочу поблагодарить Марину Сергеевну.

Люди поворачиваются ко мне.

Яна улыбается. Думает, меня сейчас позовут на сцену.

— Пятнадцать лет она отдавала центру все силы. Но семья тоже требует внимания. Поэтому Марина приняла непростое, но зрелое решение оставить должность исполнительного директора.

Слова падают одно за другим.

Оставить.

Должность.

Зрелое решение.

В дальней части зала хлопают. Несколько человек подхватывают аплодисменты. Нерешительно. Потом тишина съедает их.

Я не двигаюсь.

Не могу.

Воздух входит в лёгкие маленькими порциями. В висках тяжело стучит кровь.

Виктор смотрит вверх моей головы.

— Руководство программой переходит к Ксении Игоревне Радиной. Передача полномочий уже оформлена.

Ксения поднимается на сцену.

Теперь бейдж виден полностью:

«Куратор реабилитационной программы».

На экране появляется её фотография.

«Новая команда — новые возможности».

Моей презентации больше нет.

Яна резко оборачивается ко мне. На её лице вопрос.

Я не знаю ответа.

У прохода Тамара Ивановна снимает очки и начинает протирать стёкла шарфом. Медленно. Слишком медленно. Она не смотрит на меня.

Знает.

Мысль режет неожиданно.

Кто ещё знал?

Рядом опускается секретарь попечительского совета. На колени мне ложится тёмная папка.

— Марина Сергеевна, просили передать лично.

— Кто?

Она дёргает угол блокнота.

— Виктор Андреевич.

Папка тяжёлая. Хотя внутри всего несколько листов.

Открываю.

Исковое заявление о расторжении брака.

Имя истца — Виктор Андреевич Орлов.

Имя ответчика — Марина Сергеевна Орлова.

Буквы плывут. Я моргаю.

Раз.

Другой.

Текст снова становится резким.

Утром он пил кофе на нашей кухне. Оставил кружку возле раковины. Попросил забрать из химчистки форму. Три часа назад написал, чтобы я привезла запасные запонки.

Теперь разводится со мной между речью о мужестве и вручением памятных грамот.

Переворачиваю страницу.

Приказ о моём увольнении по собственному желанию.

Дата — вчерашняя.

Основание — личное заявление.

Подпись — электронная.

Моя.

Пальцы немеют. Лист выскальзывает и ударяется о папку.

Я не подписывала.

Вчера до десяти вечера сидела в кабинете. Проверяла отчётность. Закрывает сейф. Забрала токен электронной подписи из верхнего ящика.

Забрала?

Перед глазами вспыхивает пустой карман сумки. Утром я искала токен, но решила, что оставила его в рабочем столе.

Сердце делает один тяжёлый удар.

Потом второй.

На сцене Виктор благодарит фонд.

Спокойно. Без пауз.

Он всё рассчитал.

Фонд в зале. До аккредитации двадцать один день. Любой скандал ударит по центру. Сотрудникам задержат финансирование. Семьи могут остаться без вечерних групп.

Он знает, что я подумаю об этом раньше, чем о себе.

Всегда знала.

Всегда пользовался.

Я закрываю папку.

Можно дождаться конца церемонии.

Не кричать.

Не позорить семью.

Не рисковать центром.

Поговорить дома.

Дома, где он уже решил всё без меня.

Секретарь совета собирается подняться.

Я кладу ладонь на её блокнот.

— Передача полномочий внесена в протокол?

Она замирает.

— Есть проект решения.

— Совет голосовал?

— Мне передали готовый текст.

— Кто?

Её глаза уходят к сцене.

Ответ не нужен.

Я встаю.

Колени держат. Хорошо.

До сцены двенадцать шагов. Я сама расставляла кресла. Оставляла достаточно места для колясок.

Первый шаг.

Ксения замечает меня.

Второй.

Её улыбка исчезает.

Третий.

Виктор наконец смотрит прямо.

Остальные шаги я не считаю.

— Марина, — произносит он в микрофон. — Сядь.

Он улыбается залу.

Приказывает мне.

— Мы обсудим всё дома.

Я поднимаюсь на сцену.

Он делает шаг навстречу и заслоняет второй микрофон.

Близко. Слишком близко.

Пахнет его одеколоном и холодным воздухом с улицы. Знакомый запах. Домашний. От него мутит.

— Не устраивай сцену, — говорит он сквозь улыбку.

Я смотрю ему в глаза.

— Сцену устроил ты.

— Подумай о центре.

— Я о нём и думаю.

Обхожу его. Ксения держит ладонь на стойке микрофона. Несколько секунд мы смотрим друг на друга.

— Отпустите, — говорю я.

Она убирает руку.

Я беру микрофон.

В зале ни звука.

Даже проектор перестал гудеть. Или я просто больше его не слышу.

— Прошу зафиксировать моё заявление в протоколе.

Голос звучит ниже обычного. Без дрожи.

Хорошо.

— Заявления об уходе я не подавала. Полномочия Ксении Игоревне не передавала.

Согласия на изменение руководства программой не давала.

Виктор наклоняется к своему микрофону:

— Марина находится в эмоциональном состоянии. Полагаю, мы можем...

— Я не закончила.

Он замолкает.

Впервые за вечер смотрит не поверх меня.

На меня.

Я открываю папку и поднимаю приказ.

— Электронную подпись под этим документом я не ставила. Прошу приостановить передачу полномочий и любые действия по изменению грантовой программы до проверки подлинности документов.

По залу проходит шорох.

Представитель фонда в синем галстуке уже достаёт телефон. Тамара Ивановна смотрит в пол. Яна поднимается со своего места.

Виктор выключает микрофон.

Подходит почти вплотную.

— Ты решила уничтожить всё публично?

— Нет.

Прижимаю приказ к груди, чтобы руки не выдавали дрожь.

— Я решила публично не дать тебе уничтожить всё молча.

Его челюсть напрягается.

— Ты пожалеешь.

— Возможно.

Я поворачиваюсь к секретарю совета.

— Вы внесли мои слова?

Она быстро кивает.

— Дословно.

— Спасибо.

Спускаюсь со сцены.

Каблук скользит по краю ступени. Я хватаюсь за перила. На секунду зал качается, лица расплываются, свет режет глаза.

Только не падать.

Не сейчас.

Я возвращаюсь на место и кладу папку на колени. Яна хочет подойти, но я останавливаю её взглядом.

Сначала документы.

Потом слёзы.

Потом развод.

Сейчас — документы.

Открываю приказ на последней странице.

Серый штамп подтверждает усиленную электронную подпись. Ниже указан номер сертификата.

Тот самый, которым я подписываю отчёты, договоры и письма в фонд.

Для системы подпись моя.

Токен исчез.

Муж подал на развод.

Мою работу передали другой женщине.

А под приказом стоит моё добровольное согласие.

Только я его не давала.

Глава 2

После моей речи юбилей не заканчивается. Он рассыпается.

Представители фонда отходят к окнам и звонят кому-то, прикрывая телефоны ладонями. Сотрудники собирают со столов пустые бокалы, хотя за посудой уже пришли официанты. Двое журналистов пытаются пройти к сцене, но Яна встаёт поперёк прохода.

— Комментарии будут позже.

— Когда позже?

— Позже, чем сейчас.

Голос у неё ровный. Пальцы, которыми она держит мой телефон, дрожат.

Я остаюсь возле секретаря попечительского совета. Она сохраняет протокол, называет вслух время и переносит копию на отдельный носитель. Полоска загрузки ползёт так медленно, будто система тоже решила подумать, стоит ли связываться с нашей семьёй.

— Семьдесят один процент, — говорю я.

Секретарь бросает на меня раздражённый взгляд.

— Я вижу, Марина Сергеевна.

— Тогда дождёмся ста.

Когда файл наконец закрывается, я прошу её не менять запись задним числом и отправить копию на служебную почту фонда. Она выпрямляется.

— Я знаю порядок.

— Сегодня его знают все. Особенно те, кто не соблюдал.

Она поджимает губы, но письмо отправляет при мне.

На экране за сценой всё ещё висит фотография Ксении и фраза «Новая команда — новые возможности». Курсор мигает прямо на слове «новые». Я переворачиваю табличку с её фамилией надписью вниз. Ничего это не исправляет, но сейчас мне нужна хотя бы одна вещь, которую можно поставить правильно.

Яна протягивает телефон. На экране пять пропущенных от Артёма.

Большой палец зависает над вызовом. Я не знаю, что он уже услышал и от кого. Не знаю, как объяснить сыну развод, поддельный приказ и женщину на сцене одним предложением, которое не превратит его в судью.

Переворачиваю телефон экраном вниз.

— Проверь архив. Никого не впускай без меня или Тамары Ивановны. Охрана пусть запишет всех, кто останется в здании.

— А ты куда?

Дверь моего кабинета открыта. Внутри горит только настольная лампа.

— Узнаю, почему я добровольно ушла с работы.

Виктор ждёт за моим столом.

Китель висит на спинке кресла, рукава белой рубашки закатаны ровно на два оборота. Так он выглядит дома, когда собирается спокойно объяснить, почему решение уже принято и сопротивляться ему непрактично. На столе лежит серая папка, которой не было утром.

Я закрываю дверь.

— Где токен?

Виктор не отвечает сразу. Снимает часы, кладёт рядом с папкой и только потом смотрит на меня.

— Сядь. Ты сейчас не в состоянии обсуждать документы.

Я подхожу к столу, но кресло не трогаю. На серой папке лежит его ручка — моя вчера ещё была в стакане рядом с монитором. Даже рабочие мелочи успели поменять хозяина.

— Где токен электронной подписи?

Виктор сцепляет пальцы перед собой. Вместо ответа напоминает о фонде, журналистах и сотрудниках, которые видели мой «срыв».

— Ты подал на развод со сцены, — говорю я.

— Иск подал юрист. Я не собирался обсуждать личное публично.

Короткий смехок вырывается сам.

— Поэтому объявил мой уход при полном зале?

— Я дал тебе возможность сохранить лицо.

— Моё лицо ты тоже согласовал без меня?

Он морщится, будто я включила слишком громкий телевизор.

— Марина, сядь.

Я остаюсь у двери. Между нами всего несколько метров, но впервые закрытый кабинет не кажется его территорией.

Виктор открывает серую папку и разворачивает первый лист ко мне.

— Это можно закончить без грязи.

В соглашении много аккуратных формулировок. Квартира остаётся мне до совершеннолетия Артёма, потом переходит сыну. Я не оспариваю развод, отказываюсь от претензий к попечительскому совету и в течение сорока восьми часов передаю дела Ксении. Взамен Виктор «содействует сохранению профессиональной репутации» и не инициирует проверку моих решений за последние три года.

Последнюю строчку я читаю ещё раз.

— Что именно ты не станешь проверять?

— Не цепляйся к словам.

— Ты только что предложил не проверять мои решения. Назови их.

Он откидывается в кресле. Лампа освещает половину лица, вторая остаётся в тени.

— Дополнительные соглашения. Акты приёмки. Изменения сметы. Ты ставила подписи, Марина. Настоящие, не электронные.

Перед глазами возникает наша кухня. Поздний вечер. Виктор кладёт передо мной пакет и говорит, что подрядчик ждёт, люди не получают оборудование, если мы снова задержим выплату. Я проверяю основной договор, пролистываю приложение, ставлю подпись там, где он показывает. Потом звонит дежурный администратор. Когда возвращаюсь, пакет уже лежит в его портфеле.

Тяжесть собирается в животе.

— Ты подсовывал поздние приложения.

— Я приносил документы. Ты их подписывала.

— Не все.

— Докажи.

Он произносит это спокойно, почти без нажима. От этого слово бьёт сильнее.

Я закрываю папку.

— Соглашение я не подпишу.

Виктор смотрит на мои пальцы, лежащие на обложке.

— Подумай об Артёме.

— Не трогай сына.

Виктор берёт соглашение за угол и поворачивает ко мне страницу, где квартира переходит Артёму. Имя сына стоит между кадастровым номером и сроком передачи — ещё один пункт договора.

— Он в выпускном классе. Через несколько месяцев поступление. Ему действительно нужен скандал, где мать будут вызывать на комиссии и объяснять, почему под её подписью пропали деньги?

— Я сказала: не используй его в переговорах со мной.

— А я говорю о последствиях. Ты всегда путаешь их с давлением, когда они тебе не нравятся.

Кожа на ладонях становится влажной. Я убираю руки с папки, чтобы он не заметил.

— Ты уже рассказал ему свою версию?

Пауза длится меньше секунды, но я успеваю увидеть ответ раньше слов.

— Артём имеет право знать, что происходит в семье.

— Он имеет право не быть твоим доказательством.

— Тогда принеси своё.

Виктор подвигает соглашение обратно ко мне.

— Сорок восемь часов. После этого совет рассмотрит твоё отстранение. Без квартиры, без публичной поддержки и без красивой версии добровольного ухода.

— Красивой версии уже не получилось.

— Ты ещё не видела некрасивую.

Стук в дверь обрывает разговор.

Секретарь заглядывает внутрь и сообщает, что приехала ревизионная группа фонда. Виктор встаёт. Надевает китель, застёгивает пуговицы и за несколько движений возвращает себе вид человека, которого привыкли слушать стоя.

— Обсудим дома, — говорит он.

— Дома больше нет места, где ты говоришь за меня.

Он задерживает взгляд на моём лице, но отвечает уже секретарю:

— Проводите.

В приёмной трое незнакомых людей. Двое раскладывают ноутбуки и прозрачные пакеты для носителей. Третий снимает тёмное пальто и передаёт его администратору. Высокий, около сорока, с усталым лицом человека, которому слишком часто сообщают только удобную половину правды.

Он смотрит на дверь архива, на камеру под потолком, на Виктора. Потом — на меня.

— Марина Сергеевна Орлова?

— Да.

— Алексей Петрович Гранов. Руководитель ревизионной группы фонда «Опора».

Фамилия знакомая. Шесть лет назад он отказал нам в гранте двумя страницами сухого текста: неразделённые полномочия, зависимость от административного ресурса, недостаточная прозрачность. Я ненавидела каждую строчку. Потом по ним переписала половину внутренних правил.

— Мы знакомы? — спрашивает он.

— Только по переписке. Однажды вы подробно объяснили, почему наш центр не заслуживает денег.

Он чуть приподнимает бровь.

— Значит, письмо вы прочитали. Уже больше, чем делают многие заявители.

Виктор протягивает ему руку.

— Алексей. Не ожидал, что пришлют тебя.

Они знакомы. Не дружески — это слышно по тому, как Виктор сразу переходит на имя, а Гранов оставляет обращение без ответа.

— Фонд получил заявление о возможной подделке подписи и изменении документов, — говорит Алексей. — В таких случаях выбирают не удобного человека, а свободную группу.

— Семейная ситуация вышла из-под контроля. Не стоит разрушать полезный проект из-за личной истерики.

Алексей открывает папку с распоряжением.

— Чью истерику вы имеете в виду?

Виктор медлит.

— Я говорю в целом.

— В целом в распоряжении фонда нет. Есть запрет уничтожать, перемещать и изменять финансовые и административные документы до первичной фиксации. Клинический контур не затрагиваем без отдельного основания.

Он поворачивается ко мне.

— Ваше требование сохранить протокол оформлено письменно?

— Пока нет. Копия отправлена на служебную почту фонда при мне.

— Этого недостаточно. Напишите заявление с точным временем и перечнем документов. Усталость и злость складываются в один вопрос.

— Вы мне не верите?

— Я вас не знаю, Марина Сергеевна. Виктора Андреевича знаю, но это не даёт ему преимуществ. Вам — тоже.

Слова режут. И почему-то дают воздух.

— Хорошо. Что требуется от меня?

— Законный доступ и точные ответы. Не помощь в поиске виновного.

Мы идём по коридору. Сотрудники стоят у дверей с сумками в руках и следят, какую пломбу наклеят первой. За каждым лицом я вижу завтрашнюю работу: у Олега группа после тяжёлых травм, у Лизы обзвон семей, у Яны приём тех, кто приезжает из соседних районов.

— Утром центр должен открыться, — говорю я. — Если вы закроете сервер и кабинеты, сорвутся две группы и запись семей.

Алексей останавливается у схемы помещений.

— Какие данные нужны специалистам для работы?

Я показываю клинический контур, расписание, контакты участников. Он отделяет их от финансового архива и просит сотрудника фонда зафиксировать режим чтения. Не требует выключить всё здание ради красивой пломбы. Не обещает сохранить программы — сначала выясняет, как это сделать без нарушения проверки.

Нормальная профессиональная работа не должна удивлять. После разговора с Виктором удивляет.

У бухгалтерии нас ждёт Тамара Ивановна. Связка ключей прижата к груди.

— Документы не изымаем, — объясняет Алексей. — Работа завтра продолжится. Платёжные операции временно будут идти через двойное согласование. Нужны архив, журналы и перечень носителей.

Тамара смотрит на меня, потом на Виктора.

— Всё покажу.

В архиве две папки не находятся на своей полке. Холод проходит по спине. Тамара открывает нижний шкаф — тома лежат там после ремонта.

— Люди работали, — бросает Виктор. — Не составляли акт на каждое движение бумаги. Алексей берёт пустой бланк.

— Теперь составим. Мне нужно знать, что существовало до того, как каждый начал спасать центр по-своему.

Фотографируют серверный шкаф. Номера носителей заносят в акт. Отдельно записывают, что клинические карты не копируются и остаются доступны специалистам. Я готовилась спорить за это и не сразу понимаю, что спорить не приходится.

Кабинет Ксении закрыт. Через стекло видны чашка с засохшим следом помады, зарядка без телефона и папка «Новая структура».

— Она может удалить файлы удалённо, — говорю я.

— Уже нет. Учётная запись переведена в режим чтения, внешние сессии закрыты.

Алексей не разрешает открывать кабинет без описи и владельца доступа.

На двери висит новая схема подчинения. Моё имя осталось внизу, рядом с пометкой «передача дел». Блоки выровнены, должности согласованы, указан новый адрес для внутренних писем. Это готовили не между моим выходом к микрофону и приездом аудиторов.

— Хочу зафиксировать, — говорю я.

— Телефон держите в кадре сотрудника. Сначала общий план, потом детали. Назовите время.

Я фотографирую лист открыто. Ни одного тайного снимка. Ни одного движения, которое потом можно назвать попыткой вынести документы.

У стены стоит коробка с моими рабочими папками. Чёрным маркером сбоку написано «архив».

Вчера эти папки были в моём шкафу.

Я не открываю коробку.

— Внесите её в опись.

Алексей кивает сотруднику, не спрашивая, почему у меня изменился голос.

Акт фиксации занимает пять страниц. Я беру ручку и замираю. Обычная подпись вдруг кажется оружием, которое слишком долго лежало у меня без предохранителя.

— Читайте, — говорит Алексей.

Я читаю. Нахожу неверный номер кабинета, уточняю режим доступа к клинической системе и только потом подписываю.

— Токен электронной подписи при вас?

Открываю сумку. Ключи. Очки. Зарядка. Пропуск. Пустой боковой карман.

Вчера вечером Виктор принёс домой пакет договоров. Я поставила одну подпись, ушла ответить на звонок. Когда вернулась, документы уже лежали в его портфеле.

— Токен пропал.

Виктор стоит у окна.

— Я забрал документы. Носитель мог остаться в папке случайно.

Телефон лежит у меня в ладони. Нахожу вчерашнюю переписку.

«Токен у меня. Утром занесу».

Показываю экран Алексею, не выпуская аппарат из рук. Он читает сообщение и называет время для протокола.

У Виктора дёргается мышца возле рта.

— Я обнаружил его позже. Это ничего не доказывает.

— Доказывает местонахождение носителя на момент сообщения, — отвечает Алексей.

— Остальное проверим.

Он просит сотрудника подготовить уведомление о компрометации сертификата, затем обращается ко мне:

— С этого момента вы одновременно заявитель, владелец утраченного ключа и проверяемое лицо. Любое действие с документами — только с фиксацией. Никаких самостоятельных чисток, копирований «на всякий случай» и спасения архива.

Не поддержка. Не обвинение.

Граница.

За стеклянной дверью журналист поднимает камеру. Вспышка бьёт в глаза. На моём столе лежит соглашение Виктора — сорок восемь часов.

А у меня уже нет даже ключа от собственной подписи.

Глава 3

К полуночи центр напоминает тело после операции. Свет горит только в трёх кабинетах. На дверях архива и бухгалтерии висят пломбы, в коридоре смешались запахи антисептика, холодного кофе и мокрых пальто. Люди ушли. Напряжение осталось.

Ревизионная группа работает за стеклом переговорной. Алексей велел ждать, пока сотрудники фонда закончат первичную опись.

Я выдерживаю семь минут.

Тамара Ивановна стоит у лестницы в пальто, застёгнутом не на ту пуговицу, и прижимает сумку к груди. Она делает вид, что уходит, но смотрит только на дверь бухгалтерии.

— Вы хотели что-то сказать мне на церемонии.

— Ничего я не хотела.

— Тамара Ивановна.

Она поправляет ремень сумки.

— Домой мне надо. Поздно уже.

— Тогда почему вы всё ещё здесь?

Красный огонёк камеры горит над нами. Я отступаю на шаг, оставляя между нами пространство.

— Я не буду просить вас отдавать документы или делать что-то тайно. Скажите только, что искать.

Тамара смотрит на камеру. Потом на пломбу бухгалтерии.

— Вы не понимаете, во что лезете.

— Сегодня мне выдали приказ с моей подписью, которой я не ставила. Боюсь, уже понимаю достаточно.

Она долго молчит. Сумка в её руках едва заметно дрожит.

— Суммы менялись не в договорах, — произносит она наконец. — В приложениях. Иногда после подписи. Пакет возвращался другим. С новой страницей, а номер оставался прежний.

— Кто возвращал?

— По системе проходило от Ксении Игоревны. Но я не видела, кто сидел за компьютером. И ещё было оборудование: два акта, номера разные, серийные номера совпадали. Виктор Андреевич сказал, поставку разделили и потом исправят реестр.

Тамара закрывает глаза на секунду, будто проверяет, не произнесла ли лишнего.

— Вы говорили кому-нибудь?

— Ему. После этого у меня забрали право менять карточки договоров. Оставили только просмотр.

Слова выходят быстро, будто она боится, что не успеет остановиться.

— Повторите это аудиторам.

Она резко качает головой.

— Нет. У дочери ипотека. Муж работает в части. Я видела, как люди внезапно перестают подходить для должности.

— А я теперь подхожу?

Тамара поднимает глаза.

— Вы уже нет.

Ответ более утешения. И полезнее.

— Где искать следы и что у вас осталось?

— Журнал версий в системе электронного документооборота и реестр входящих приложений. Если пакет меняли, дата должна остаться. Документов у меня нет. Ваш именной пропуск действует до утра, но одной не входите — потом скажут, что вы сами всё подчистили.

Она застёгивает сумку и признаётся, что не знает, вернётся ли утром.

Она делает шаг к лестнице.

— Тамара Ивановна.

Останавливается, не оборачиваясь.

— Спасибо.

— Не благодарите. Я пока ничего для вас не сделала.

— Вы сказали правду в пределах, на которые решились. Это не ничего.

Тамара уходит. Я пишу Алексею: **«Есть источник, показания пока не даст. Названы журнал версий и реестр приложений. Прошу оформить законный доступ при аудитор».**

Ответ приходит почти сразу: **«Не входить. Ждать».**

Через несколько минут Алексей появляется в коридоре без пиджака, с планшетом и прозрачным пакетом для носителей.

— Кто источник?

— Не назову без согласия. Мне сейчас нужен не свидетель, а журнал.

Алексей принимает границу без попытки обойти её. Предупреждает только, что сведения не станут показаниями, пока человек не согласится говорить официально, затем уточняет мой доступ.

— До утра должен работать.

— Войдёте в присутствии двух сотрудников фонда, под запись экрана и только в штатные разделы. Иначе любой найденный вами след станет подарком защите другой стороны.

— То есть опасная женщина с клавиатурой пока остаётся под наблюдением.

— Проверяемое лицо с доступом. Формулировки имеют значение.

В кабинете администратора включают запись экрана. Сотрудник фонда ставит камеру так, чтобы были видны мои руки, монитор и время на системной панели.

Я прикладываю пропуск.

Зелёный огонёк.

Ключ ещё работает.

Алексей называет для протокола время входа и пределы доступа.

Алексей для протокола объясняет: историю версий я удалить технически не могу, экспорт выполняет сотрудник фонда, а моя задача — показать штатный маршрут.

— В этой формулировке я хотя бы не звучу человеком, которому разрешили потрогать чужую клавиатуру.

Он смотрит на инвентарную наклейку.

— Она служебная. Сейчас это полезнее, чем «своя».

Не сочувствие, которое можно отозвать. Просто точная граница. Он кивает сотруднику начинать запись.

Журнал содержит сотни строк. Сначала нужно построить контрольную цепочку из документов, которые я точно подписывала.

Открываю договор на расходники после планёрки. Помню кабинет, дату, Яну у двери и сломанный степлер. Следующее соглашение подписывала дома, за кухонным столом. Третье — в конференц-зале после заседания совета.

— Пароль вводили сами? — спрашивает Алексей.

На одном пакете память проваливается.

— Кажется, да.

Он отмечает что-то в таблице.

— «Кажется» пойдёт отдельно.

Жар поднимается к лицу.

— Отмечайте. Я не хочу потом выяснить, что защищала удобную версию себя.

Сотрудник фонда строит таблицу: создание пакета, изменение вложений, подключение носителя, применение сертификата, отправка контрагенту. В настоящих операциях между точками остаётся время. Я открывала файл, возвращала юристу, получала исправление, входила снова. В спорных всё происходит за несколько минут, иногда ночью, будто человек заранее знает, на какой странице не задерживаться.

На четвёртой строке я начинаю угадывать следующий столбец раньше, чем он появляется. Это опасное облегчение: мозгу хочется найти схему и объявить работу законченной. Алексей, похоже, замечает, как я наклоняюсь к экрану.

— Не ищите узор раньше данных, — говорит он. — После такого дня любое совпадение будет выглядеть заговором.

— Один признанный мной договор тоже прошёл быстро.

— Почему?

— Подписала дома почти не читая.

Моя строка остаётся в таблице рядом со спорными. Удалить её было бы легче. Я не прошу.

Контракт от двадцать восьмого мая подписан моим сертификатом в 14:42.

Я смотрю на дату, и шум кондиционера исчезает.

— В это время я была в Казани.

Алексей поворачивает монитор ко мне.

— Уверены?

— Я выступала на конференции. В 14:39 модератор попросил меня сократить доклад. Потом отключился микрофон. В 14:44 его вернули. Яна снимала панель на телефон.

— Билеты, программа, запись?

— Всё есть. Яна снимала с первого ряда.

Я звоню ей по громкой связи. Яна отвечает после второго гудка, и по звуку голосов понимаю: она всё ещё внизу, с сотрудниками.

— Найди видео с Казани, двадцать восьмое мая. Полная запись, не обрезай. И программу конференции.

— Уже ищу. Что нашли?

Я смотрю на Алексея. Он не кивает и не запрещает. Просто ждёт, насколько точно я сформулирую.

— Операцию в то время, когда я была на сцене. Больше по телефону не обсуждаем. Отправь на служебный адрес проверки.

— Поняла.

Через три минуты приходит письмо. На видео я стою у трибуны, жестикулирую левой рукой и пытаюсь вернуть к жизни микрофон. В правом нижнем углу идёт время. В 14:42 я говорю о маршруте возвращения к работе, а мой сертификат подписывает контракт в другом городе.

Алексей просит сохранить письмо вместе с заголовками и серверной отметкой. Только после этого смотрит на следующую строку.

Пакет подготовлен с рабочего места К-12 — кабинета Ксении. Имя почти срывается с языка, но Алексей поднимает ладонь.

— Компьютер показывает место подготовки пакета, не человека. Не перескакивайте через ступень.

Я сжимаю губы.

— Хорошо. Что дальше?

Через девятнадцать минут после подписи вложение заменили. Старую версию удалили, но факт изменения сохранился. Резервную копию ещё предстоит восстановить.

— Удобная ночь для слова «восстановить».

— Неудобные данные редко приходят по расписанию.

Он подвигает мне форму заявления о компрометации сертификата.

— Перечислите все подписи, которые признаёте, и все, которые оспариваете. Настоящие операции станут контрольной группой. Ваши реальные нарушения останутся вашими.

Живот сжимается.

— Вы могли бы хотя бы один раз сказать что-нибудь обнадеживающее.

— Могу сказать точное. Я не обещаю сделать вас невиновной. Моя задача — отделить то, что сделали вы, от того, что сделали вашим именем.

Точность оказывается надёжнее утешения.

В графе «последний подтверждённый держатель носителя» я пишу: **«Орлов Виктор Андреевич, супруг, председатель попечительского совета».**

На слове «супруг» ручка задерживается. Пока ещё.

Телефон показывает новые пропущенные от Артёма. Я уже беру пальто, но Алексей оста-
навливает меня у двери.

— Сначала отправьте заявление.

— Сын ждёт дома.

— Если ключ используют ещё раз, утром появится новый документ с вашей подписью. Пять минут сейчас могут стоить вам ещё одного месяца проверки.

Он прав. От этого хочется злиться именно на него.

Запрос уходит в удостоверяющий центр. Сонный специалист проводит идентификацию по видеосвязи, создаёт метку компрометации и обещает приостановить сертификат после технической проверки. Я отправляю отдельные уведомления фонду, банку и основным контрагентам.

К третьему письму пальцы перестают дрожать. Не потому, что стало легче. Действие просто занимает меньше места, чем страх.

Сохраняю квитанции в папку «Компрометация». Слово выглядит почти медицинским и всё равно описывает последние сутки точнее, чем «развод».

Домой приезжаю под мелким дождём.

На кухне горит свет. Артём сидит за столом в куртке. Перед ним телефон и собранный рюкзак. Ему шестнадцать; плечи уже становятся похожи на викторовы, взгляд пока мой.

Я снимаю мокрое пальто. Вешалка выскальзывает и падает на пол.

— Папа сказал, ты устроила цирк, — говорит Артём. — Всё можно было решить дома.

— Он объявил при полном зале, что я ушла с работы. Я не уходила.

— Но договоры ты подписывала?

Вопрос звучит слишком взрослым. Виктор уже дал ему слова, которыми удобно раскладывать семью на виновного и пострадавшего.

— Часть подписывала. В некоторых могла не проверить приложения. Есть документы, которых я не подписывала. Сейчас это проверяют.

— Значит, ты сама могла всё испортить?

Вопрос остаётся между нами. За стеной капает кран — Виктор обещал заменить прокладку ещё весной. На столе стоит его кружка, та самая, которую он оставил утром. Дом продолжает выглядеть так, будто ничего не случилось, и от этого труднее всего.

Я поднимаю вешалку и кладу её на тумбу. Руки нужно чем-то занять, иначе я схвачу сына за рукав и начну доказывать то, чего он не обязан понимать сегодня ночью.

— Я могла ошибиться. Но не соглашусь с тем, чего не делала, только чтобы дома было тихо.

Артём дёргает молнию куртки.

— Я поеду к папе.

В груди проваливается что-то тяжёлое.

— Хорошо.

Он смотрит с недоверием.

— И всё?

— Нет. Я хочу, чтобы ты остался. Хочу объяснить больше. Хочу, чтобы ты не выбирал между нами сегодня. Но держать тебя дверью не буду.

— Папа хотя бы не позорит семью перед всем городом.

Боль доходит не сразу. Сначала я слышу интонацию Виктора. Потом понимаю, что слова произнёс сын.

— Я не стану показывать тебе документы и превращать в свидетеля. Но одну вещь скажу точно: я не подавала заявление об уходе и не ставила подпись под приказом.

— А если выяснится, что ставила?

— Тогда отвечу за это. Не за чужую версию — за своё действие.

Он берёт ключи.

— Напиши, когда доберёшься.

— Ты даже не остановишь меня?

— Я уже сказала, что хочу. Теперь решаешь ты.

Артём выходит. Дверь закрывается тише, чем я ожидала.

На холодильнике висит его расписание: пробный экзамен, тренировка, консультация по математике. В воскресенье Виктор должен был отвезти его на день открытых дверей в военный вуз. Я фотографирую лист и отправляю сыну напоминание о консультации. Не пишу, что отец использует его. Не спрашиваю, когда вернётся.

Телефон вспыхивает письмом из системы электронного документооборота.

Операция по сертификату Орловой М. С. выполнена в 23:46.

Уведомление о пропаже уже зарегистрировано. Техническая блокировка ещё не завершена.

Документ подписан моим именем.

Ключ всё ещё работает.

Только держу его не я.

Глава 4

Я не доверяю людям, которые приносят идеальную версию событий. Обычно идеальна не версия — подготовка.

К девяти утра на столе лежат три папки. В красной — документы, которые Марина Орлова оспаривает. В синей — подписи, которые признаёт. В серой — всё, где данных пока недостаточно.

Серая самая толстая. Так и должно быть.

За окнами стоят две телевизионные машины. Сотрудники центра приходят раньше обычного и старательно не смотрят на переговорную. В таблице двадцать семь операций Марина признаёт, девять оспаривает, по четырём не уверена в составе приложений. Неприятная честность. Обычно проверяемые признают безопасное, отрицают опасное, а серую зону называют ошибкой системы.

Здесь серая зона названа серой.

Один документ подписан дома в 22:11, следующий — через четыре минуты. Первый Марина признаёт, второй нет. Одинаковое устройство, один сертификат. Если верить только технике, её версия разваливается. Если верить только ей, аудит превращается в услугу. Нужен третий слой: кто готовил пакеты, менял вложения и находился рядом с носителем.

Я открываю карточку первой операции. Пакет создан юристом центра, дважды возвращён на доработку, подпись поставлена после просмотра всех вложений. Во второй карточке пакет создаётся с К-12, приложение меняется за минуту до подписи, а окно просмотра длится девять секунд. Девять секунд не доказывают подделку. Они доказывают только то, что человек либо знал документ наизусть, либо не читал. Марина уже признала, что иногда не читала.

Поэтому даже самый красивый цифровой след пока умеет обвинять обе стороны.

Телефон фонда звонит до девяти.

— К полудню нужен предварительный вывод, — говорит заместитель директора. — До выяснения обстоятельств замораживаем финансирование полностью.

Я открываю расписание центра и называю то, что исчезнет первым: две группы и поставка расходников уже сегодня. На другом конце сухо напоминают, что я аудитор, а не руководитель программы.

— Поэтому предлагаю остановить спорные платежи, а не работу, которая уже включена в обязательства фонда.

— Возьмёшь решение на себя?

Вопрос задан так, чтобы правильный ответ звучал как отказ.

Я смотрю на форму распоряжения.

— Да. Письменно.

На другом конце молчат секунду.

— До двенадцати жду обоснование. Ошибёшься — отвечать будешь не только отчётом.

— Понял.

— И, Алексей, не путай сострадание с анализом.

— Не путаю. Именно поэтому не предлагаю оплачивать спорные счета.

Разговор заканчивается. На экране остаётся форма персональной ответственности — три страницы, в которых слово «ошибка» нигде не связано с конкретным человеком. Мою фамилию придётся вписать вручную.

Я открываю старую заявку «Рубежа» — шестилетней давности. Тогда полномочия действительно не были разделены: внутренний контроль зависел от договорённости супругов, финансовые решения подтверждал председатель совета, вся конструкция держалась на двух фамилиях. Отказ был правильным.

Рядом лежит текущий регламент. Двойное согласование закупок. Отдельный клинический контур. Резервные ведущие групп. Запрет закрывать программу при смене административного лица. Почти каждый пункт отвечает на старые замечания. Автор изменений — Марина Сергеевна Орлова. Даты растянуты на пять лет, значит, документы не могли появиться за ночь ради проверки.

Она не получила грант, зато исправила систему.

Это не делает её честной автоматически. Но объясняет, почему центр способен пережить семейный конфликт и почему полная заморозка ударит не по вывеске.

В протоколах нет красивых побед. Марина месяцами добивалась резервного хранения, разделяла клинический и финансовый доступ, заставляла руководителей групп назначать замену на случай болезни. Несколько раз совет откладывал её предложения как избыточные. В одном письме она пишет Виктору: «Без резервного ведущего программа зависит от здоровья одного человека». Через неделю он направляет совету ту же мысль, убрав её имя и заменив «я предлагаю» на «командование считает необходимым».

Я открываю свойства файлов. Её письмо создано раньше. Его — позже.

Линия авторства. Не хищение. Но привычка менять подпись под чужой работой уже существует, и её нельзя ни превратить в доказательство финансовой схемы, ни выбросить как семейную обиду.

Я закрываю переписку. Самое опасное в такой проверке — начать нравиться собственной версии. Женщина, у которой присваивали работу, удобна для сочувствия. Руководитель, подписывавший приложения без проверки, удобен для обвинения. Обе версии могут быть правдой одновременно.

Виктор входит без стука.

— Поговорим без протокола.

Я включаю запись на планшете.

— Нет.

Он закрывает дверь и садится напротив.

— Ты слишком долго живёшь по гражданским правилам, Алексей.

— Фонд именно за это платит.

— Мы служили в одной системе. Ты понимаешь, что иногда важнее сохранить рабочую структуру, чем выносить наружу семейную грязь.

— Я понимаю, что вы хотите обсудить документы без записи.

Виктор кладёт на стол папку.

— Марина годами подписывала всё, что сейчас отрицает. После развода решила представить себя жертвой. Она талантливая, но давление никогда не держала. Выгорела.

— Кто установил выгорание?

— Я знаю её почти двадцать лет.

— Это не медицинское заключение. Зачем забрали токен?

Он поправляет манжету.

— Забрал документы. Носитель остался в папке случайно. Позже обнаружил и написал ей.

— Почему не вернули утром?

— Началась церемония.

Открываю сообщение о ночной операции.

— А в 23:46 какая церемония началась?

Пауза впервые возникает на его стороне стола.

— Значит, кто-то использовал удалённый доступ. Для этого ты здесь.

— Вы знали пароль?

— Нет.

— Где находился токен после вашего сообщения Марине?

— В моём портфеле. Потом я оставил его в машине. Утром не проверял.

Первая новая деталь. Я отмечаю её время.

— Кто имел доступ к машине?

Виктор смотрит на планшет.

— Водитель. Дежурный по штабу. Ксения могла передать папки после церемонии. Половина части знает, где служебная машина стоит во дворе.

Он перечисляет людей слишком легко. Каждый новый вариант расширяет круг и размыкает его собственную роль. Это не доказательство умысла — только выбранная тактика.

— Кто конкретно открывал машину после вашего сообщения Марине?

— Я не веду журнал семьи и подчинённых.

— Тогда отметим, что не знаете.

Виктор смотрит на планшет.

— Ты превращаешь обычную забывчивость в допрос.

— Это и есть допрос документов. Люди просто иногда в нём участвуют.

Он откидывается на спинку.

— Если начнёшь защищать её, тебя сделают участником семейного конфликта.

— Я защищаю процедуру.

— Так все говорят в начале.

Виктор оставляет папку с настоящими подписями Марины и уходит. После него в кабинете остаётся запах одеколона и новая версия местонахождения токена: портфель, потом машина. Её нужно проверять, а не оценивать.

Специалист по цифровым следам появляется через десять минут.

— Сертификат использовали с трёх рабочих станций, — сообщает специалист. — Две Орловой, третья — К-12, кабинет Радиной. Локальный криптопровайдер показывает физическое подключение носителя. Удалённой сессии нет, порт активирован локально. Ночной эпизод — 23:46. Камеру коридора выгружаем, в кабинете записи нет.

Специалист увеличивает системное окно. Номер подключённого носителя совпадает с сертификатом Марины, но журнал не хранит отпечаток корпуса и не умеет показать, чья рука вставила его в порт. Техника даёт больше, чем память, и меньше, чем хочется.

— Проверьте пропуски, время постановки машины Виктора и все административные входы, — говорю я. — Отдельно — могла ли Радина передать свой пропуск другому человеку.

— Это уже люди, не логи.

— Поэтому фиксируем как вопросы, не ответы.

Формулировка для отчёта будет узкой: носитель физически использован на станции, закреплённой за Ксенией Радиной. Ни одного имени сверх данных.

— Вложение восстановили?

— Ночной цикл ещё не перезаписал резерв. Нужен час.

Иногда вся разница между ошибкой и схемой помещается в одном файле, которого пока нет.

Параллельно проверяем двойную оплату. Разные счета и приложения, одинаковые серийные номера. На основном договоре настоящая подпись Марины. На повторном приложении — её сертификат. Две цепочки сходятся на одном удобном виновном.

— Не начинаем с вывода, — говорю специалисту. — Сначала подтвердите идентичность поставки и маршрут согласования.

На столе лежит приказ о полной заморозке. Самый безопасный вариант для фонда и самый опасный для центра.

Я переписываю его: спорные платежи остановить; зарплатный и клинический контур сохранить; каждую новую финансовую операцию проводить через двойное согласование. Внизу ставлю собственную фамилию.

Если через текущие расходы продолжалась схема, фонд спросит с меня. Если заморозу всё ради собственной безопасности, цену заплатят люди, которых никто не приглашал в семейную войну.

Отправляю распоряжение заместителю директора. Ответ приходит звонком.

Заместитель директора перезванивает сразу после отправки. Он недоволен тем, что получил готовое решение вместо предварительного обоснования. Я называю ограничения: клинический контур отделён, спорные маршруты заблокированы, новые платежи без второго согласования невозможны.

— И если что-то уйдёт?

— Моя ответственность указана на первой странице.

Он шумно выдыхает.

— Семьдесят два часа. Потом либо приносишь цепочку, либо замораживаем всё.

— Принято.

Теперь риск имеет не только фамилию, но и срок.

Марина приходит с Яной. В руках у неё два списка.

— Здесь подписи, которые признаю. Здесь документы, где не уверена в составе приложений.

Я просматриваю первую страницу.

— Почему не проверяли пакеты полностью?

Она остаётся стоять.

— Доверяла мужу. Торопилась. Считала основным договор достаточным. Все три ответа верны.

— Мне нужен точный.

— Тогда оставьте все три. Один не отменяет остальные.

Показываю акт приёмки, где её подпись несомненна, а поставка подтверждена только отчётом заведующего.

— Этот документ ваш?

Марина читает до конца, не только страницу с подписью.

— Мой.

— Оборудование видели лично?

— Нет. Приняла отчёт заведующего и подписала акт.

— Как записать?

Подбородок у неё дрожит одну секунду. Потом она поднимает взгляд.

— Нарушение контроля с моей стороны.

— Вы понимаете, что эта формулировка останется в итоговом отчёте, даже если подделка подтвердится?

— Да.

— Она может стоять вам должности.

Марина закрывает акт. На обложке остаётся след от её большого пальца.

— Если сохранить должность можно только чужой ложью о моей безупречности, это будет та же схема. Просто удобная мне.

Я отмечаю ответ не в протоколе, а в памяти. В отчёт он не войдёт. Значение имеет только подпись под признанным актом.

Я сообщаю о требовании фонда остановить всё финансирование.

— Тогда сегодня сорвутся две группы и поставка расходников, — отвечает она. — Через три дня начнут отменяться индивидуальные занятия. Через неделю часть специалистов уйдёт, потому что у них почасовые договоры.

— Полной заморозки не будет. Спорные платежи остановлены. Текущие программы продолжают под мою ответственность. Все новые операции — двойное согласование.

Её пальцы разжимаются на краю папки. Благодарности нет. Правильно.

— Сколько времени?

— Семьдесят два часа на первичный аудит. Доступ к сотрудникам. Полный перечень настоящих подписей. И никаких попыток помочь нам найти нужный ответ.

Марина перелистывает список до последней страницы, проверяя, не спрячено ли условие внизу. Только потом задаёт вопрос, который явно держала с момента входа:

— У вас есть что-нибудь не против меня?

— Нет данных «за» и «против». Есть две несовместимые цепочки.

Она смотрит на красную и синюю папки.

— Для вас это, наверное, удобнее.

— Нет. Удобнее одна виновная сторона и короткий отчёт. Две цепочки означают, что проверять придётся людей, доступы и решения, которые фонд годами принимал как нормальные.

Разворачиваю экран.

— Пакеты с рабочего места Ксении. Операция в часы, когда вы выступали в другом городе. Ночное использование ключа после сообщения об утрате.

Марина смотрит на таблицу.

— Значит, я не придумала это.

Я не могу ответить за её брак. Только за данные.

— Значит, ваша версия требует проверки.

Подписываю решение. Марина остаётся руководителем в операционных вопросах.

— Будете стоять над душой? — спрашивает она.

— Предпочитаю рядом с документом.

Яна фыркает. Марина почти улыбается, но в кабинет входит специалист с выгрузкой камеры.

На записи в 23:38 человек в капюшоне подходит к К-12. Лица не видно. Дверь открывается именным пропуском Ксении Радиной. В руке — небольшой прямоугольный предмет.

Марина смотрит, не моргая.

— Где Ксения?

— Телефон выключен. По домашнему адресу её нет.

Версия, которой не хватало, наконец получила место, время и дверь.

Имени у неё пока нет.

Глава 5

У входа в «Рубеж» стоят две камеры и женщина с красным микрофоном.

Она ловит меня у служебной двери.

— Марина Сергеевна, вы признаёте хищение средств? Правда, что развод связан с романом Виктора Орлова и новой руководительницы центра?

Я останавливаюсь только потому, что за её спиной входят сотрудники.

— Хищение не установлено. Нового руководителя нет, передача полномочий приостановлена. Личную жизнь отсутствующих людей я не обсуждаю.

— Но Ксения Радина исчезла после проверки!

— Уточняйте это у тех, кто её ищет.

В холле непривычно тихо. Обычно администраторы спорят с принтером, кто-то ищет бахилы, Яна пьёт кофе на ходу. Сегодня люди стоят группами и говорят шёпотом.

На доске объявлений приколотая распечатка: **«Развод полковника раскрыл финансовую схему в центре помощи»**. Моё фото взяли с юбилея в момент, когда я держу приказ у микрофона и выгляжу так, будто сейчас расплачусь.

Я срываю лист. Бумага рвётся пополам.

— Оставь куски, — говорит Яна. — Потом в музей положим.

— Очень оптимистичный музей.

В малом зале ждут около сорока человек. Остальные делают вид, что случайно задержались в коридоре. Я успела принять душ, переодеться и десять минут посмотреть на пустую кровать Артёма. Он прислал одно слово: **«Добрался»**. Я ответила двумя: **«Спасибо. Спокойной»**.

Перед дверью Яна перехватывает меня.

— Что скажешь?

— Правду. Ту часть, которая не мешает проверке. Гарантий у меня нет.

Яна проводит языком по сухой губе и предупреждает, что люди разозлятся.

— Имеют право.

На доске осталось вчерашнее расписание дежурств. Я не стираю его.

— Центр не закрыт, — начинаю я. — Сегодняшние занятия идут по плану. Спорные платежи заморожены. Клинические данные не изымаются. Аккредитация через девятнадцать дней. Результат проверки я не контролирую.

По залу проходит шум. Кто-то спрашивает, остаюсь ли я директором. С другого ряда летит вопрос о зарплате. Олег требует сказать, откроются ли группы завтра, если фонд переживает к вечеру. Лиза из администрации поднимается с телефоном в руке.

— Под договорами действительно ваша подпись?

Я поднимаю ладонь. Не чтобы остановить людей — чтобы собрать разговор в одну линию.

— В операционных вопросах я остаюсь руководителем. Финансовые решения временно идут через двойное согласование. Часть документов подписана мной лично. В некоторых случаях я не проверила поздние приложения. Это моя ответственность. Есть операции, выполненные моим сертификатом без моего участия. Их устанавливает аудит.

Шум обрывается.

Лиза не садится.

— Значит, вы сами могли всё испортить?

— Могла ошибиться. Ошибку и подделку нельзя складывать в одну папку. Поэтому я не обещаю, что через неделю всё будет хорошо. Обещаю другое: сегодня мы работаем, документы не прячем, распоряжения проверяем.

Вопрос о гарантиях подхватывают сразу с двух рядов. Олег спрашивает про группы, женщина из физиотерапии — про зарплату. Я отвечаю по очереди, не объединяя людей в удобную «команду»: расписание подтверждено на три дня, текущий расчёт включён в разрешённый контур, за следующий период подтверждения нет. Если фонд изменит решение, мы соберёмся снова и разберём последствия по людям, а не разошлём ночью красивое письмо.

Несколько человек отворачиваются. Кто-то кивает. Доверие не возвращается одной речью, и это правильно.

— Тогда вот факт, — говорит заведующий хозяйством. — Вчера из совета звонили. Велели приготовить ключи от складов для Ксении Игоревны.

Лиза поднимает телефон.

— А мне сказали не выдавать копии старых приложений. Якобы они больше не действуют.

Из заднего ряда добавляют ещё один звонок. Потом второй.

Яна подходит к доске и чертит четыре колонки: кто звонил, когда, что требовал, есть ли сообщение или свидетель.

— По одному, — говорит она. — Иначе получим не журнал, а коллективную истерику. Её у нас уже присвоили другие.

Люди начинают вспоминать детали. Один звонок пришёл до моего выступления — передача готовилась заранее. Другой уже после введения запрета на изменение доступа. Это пока не доказательства. Но у каждого сообщения появляется время, номер и человек, который его слышал.

— Не звоните Ксении с обвинениями, — предупреждаю я. — Не ищите её родственников. Не выносите рабочие файлы «на всякий случай». Если она или Виктор позвонят сами, фиксируйте время и смысл, не провоцируйте и не обещайте молчать. Любое распоряжение по доступу, деньгам, расписанию и документам действует только письменно — даже если звоню я.

Заведующий хозяйством уточняет, распространяется ли правило на председателя совета.

— Особенно на него.

Яна поднимает ручку.

— Из-за бессонной ночи приказы Марины Сергеевны читает второй человек. К сожалению, это я.

По залу проходит короткий смех. Напряжение не исчезает, но люди снова начинают дышать.

Брифинг заканчивается не тогда, когда все поверили. Когда у каждого появляется конкретная задача.

Через двадцать минут центр снова шумит. Принтер жевывает бумагу. Две группы собираются по расписанию. Телефон разрывается от звонков. Курьер с расходниками отказывается разгружать коробки без банковской отметки.

— Мне потом из зарплаты вычтут, — говорит он. — У вас по новостям хищение.

— Поэтому вы ничего не оставите без подтверждения. Вот письмо фонда и номер согласования. Звоните начальнику, я подожду.

Журналисты снимают директора скандального центра рядом с коробками одноразовых перчаток. Для большой драмы картинка слабая. Для реальной работы — обычная.

Администратор приносит список отменённых записей. Семь семей решили не приезжать после утренней новости. Две спрашивают, не исчезнут ли их медицинские данные. Одна требует вернуть копии немедленно.

— Перезвоните каждой, — говорю я. — Не уговаривайте остаться. Объясните статус и предложите безопасный способ получить документы.

— А если заберут всё?

— Значит, оформим выдачу. Доверие нельзя удержать закрытой дверью.

Первой звонит мать мальчика из вечерней группы. Администратор включает громкую связь только после её согласия.

— Я не хочу, чтобы карты моего сына оказались у журналистов, — говорит женщина. — У вас там теперь кто угодно ходит.

— Журналисты дальше холла не проходят. Медицинские данные не входят в финансовую проверку, доступы не расширены. Вы можете забрать заверенную копию сегодня через отдельное окно или оставить всё в системе. Решение ваше.

— А оригинал?

— Оригинал хранится по медицинским правилам. Его нельзя выдать вместо копии, даже если центр проверяют. Я пришлю порядок и имя сотрудника, который вас встретит.

Женщина не успокаивается сразу. Задаёт ещё два вопроса, просит фамилию аудитора и время выдачи. Я отвечаю только на то, что знаю.

— Копии пока не забираю, — говорит она наконец. — Но сегодня мы не приедем.

Не победа. Просто один человек получил выбор без обещания, что всё безопасно навсегда.

Курьер получает разрешение, но просит пересчитать коробки при двух свидетелях. Мы делаем это у входа: перчатки, салфетки, расходники для кабинетов. Ничего героического. Именно из таких вещей состоит центр, который Виктор привык показывать одной красивой фотографией на сцене.

Я дважды ошибаюсь в дате на временном порядке выдачи материалов. Яна возвращает лист.

— Ты спала?

— Несколько раз моргнула.

— Это не считается.

Яна открывает рот, но взгляд соскальзывает к моему телефону.

— Артём у Виктора, — говорю я. — Не сейчас.

Яна кивает и больше не спрашивает. Иногда дружба — это не правильные слова, а умение вовремя их убрать.

В десять сорок из групповой комнаты выходит Сергей Ковалёв. Третий месяц он участвует в программе возвращения к гражданской работе. Обычно первым садится у окна. Сегодня рюкзак уже на плече, лицо серое.

За стеклом красный микрофон поворачивается в нашу сторону. Сергей замирает. Плечи подняты, дыхание частое, пальцы вцепились в ляжку.

Я подхожу сбоку, не перекрывая выход.

— Хотите уйти?

— Здесь всё закрывают. Они снимут и напишут, что мы психи.

— Возможно, снимут. Через главный вход вас увидят. Есть служебный выход, тихий кабинет на пять минут или место в группе. Выбирайте.

Он смотрит на меня, будто ждал запрета.

— Вы меня не остановите?

— Нет. Если уйдёте, сможете вернуться в следующий раз.

Сергей переводит взгляд на дверь группы. Потом на камеры.

— Пять минут.

— Яна покажет кабинет.

Она идёт рядом, не касается его.

Я остаюсь в коридоре и не проверяю каждую минуту, вернулся ли он. Предложенный выбор перестаёт быть настоящим, если потом контролировать правильность ответа. Ведущий группы продолжает занятие и оставляет у двери свободный стул. Никто не обсуждает Сергея за стеной.

Из тихого кабинета не доносится голосов. Только один раз скрипит стул. Мне хочется подойти, спросить, всё ли в порядке, предложить ещё один вариант — любую активность, которая снимет с меня ожидание. Вместо этого я проверяю расписание следующей группы и прошу администратора убрать журналистов от служебного выхода. Работа помогает не украсть у Сергея его пять минут.

Через десять минут дверь открывается. Сергей входит и садится на своё место. Ведущий молча сдвигает к нему лист задания.

Никаких аплодисментов. Никакой победы. Просто человек вернулся туда, откуда имел право уйти.

Алексей стоит у стены с закрытым ноутбуком. Он видел всё и ни разу не вмешался.

— Вы наблюдали за пациентом? — спрашиваю я.

— За работой программы. Имя в отчёт не войдёт.

— Тогда что именно вы увидели?

Он смотрит на свободный коридор, где только что стоял Сергей.

— Вы дали ему три варианта и не выбрали за него.

— Потому что задача не заставить человека выглядеть спокойным. Нужно вернуть ему управление собой. Если бы он ушёл, мы приняли бы и это.

— И записали бы как срыв?

— Как выбранный выход из ситуации. Срывом было бы, если бы мы закрыли дверь, отняли рюкзак и потом похвалили себя за то, что он остался.

Алексей переводит взгляд на расписание возле двери.

— Резервный кабинет. Замена ведущего. Порядок возвращения после пропуска. Шесть лет назад в заявке этого не было.

— Шесть лет назад вы нам отказали. Программа существовала, но мы не сумели её описать.

Алексей проводит пальцем по строкам расписания, как по документу.

— Для фонда неописанная система почти неотличима от несуществующей. Я не могу придумать её за заявителя.

Раздражение поднимается привычно. Вместе с ним приходит неудобная память: после отказа я переписала правила именно по его замечаниям.

— Вы всё ещё считаете меня формалистом? — спрашивает он.

— Пока собираю данные.

Угол его рта едва двигается.

— Разумно.

Он открывает ноутбук.

— Программа сильная.

— Это уже предварительный вывод аудитора?

— Это наблюдение человека, который видел один рабочий эпизод. В отчёте будут методика, документы и результаты.

Фраза простая. Без «наша», без «продукт», без «объект финансирования». Сильная — и всё.

Под рёбрами становится тесно. Я отворачиваюсь к доске расписания, давая себе секунду.

— Но один контракт, вероятно, оплатили дважды, — продолжает Алексей. — Счета и номера разные. Предмет поставки один. Серийные номера оборудования совпадают.

Он показывает таблицу. На основном договоре моя настоящая подпись. На повторном приложении — мой сертификат. Часть оборудования стоит в центре. Второй комплект по документам принят, но физически не найден.

Разница между «подписью» и «сертификатом» стала привычной слишком быстро.

В холле поднимается шум. Через стекло видно чёрную машину Виктора. Он выходит с новой папкой в руке и идёт к входу.

Алексей закрывает ноутбук.

— Не разговаривайте с ним одна.

— Сформулируйте убедительнее.

— Человек, который использует вашего сына и жильё в переговорах, приехал не обсуждать погоду.

Прямо. Без жалости.

— Оставайтесь.

— Останусь как руководитель проверки.

— Мне сейчас достаточно любой законной причины.

Виктор входит в холл.

Рабочий день продолжается.

Только теперь я знаю цену одного лишнего приложения.

Глава 6

Виктор входит в холл так, будто журналисты, пломбы на дверях и люди с папками появились здесь по его распоряжению.

На нём уже не парадная форма, а тёмный костюм. В руке папка. За спиной остаются две камеры и сотрудник охраны, который по новым правилам просит записаться в журнал.

— Виктор Андреевич, цель визита? — спрашивает охранник.

Виктор смотрит на него не сразу. Потом берёт ручку.

— Семейный вопрос.

— В рабочем помещении, — напоминаю я.

Он расписывается и возвращает журнал. Ни раздражения, ни спора. Только нажим такой, что на следующем листе остаётся борозда.

Алексей стоит рядом со мной. Не ближе, чем требует разговор. Это важно по двум причинам: Виктор видит свидетеля, а я не могу притвориться, что этот визит касается только нас двоих.

— Я привёз документы из школы, — говорит Виктор. — Артёму нужно согласие на поездку в областной университет. Подпишешь дома.

— Отправь скан. Я проверю и подпишу своей новой подписью, когда сертификат выпустят.

— Бумажная подойдёт.

Он протягивает папку, но не выпускает её, когда я берусь за край.

— Сын ждёт тебя.

— Где?

— Дома. Собирает вещи.

Пальцы сами сжимаются на картоне. Виктор это замечает и только тогда отпускает.

— Что ты ему сказал?

— Правду, доступную шестнадцатилетнему человеку. Его мать устроила публичный скандал, под её подписью проходят сомнительные платежи, а теперь из-за неё центр могут закрыть.

За стеклянной перегородкой кто-то роняет коробку. Пачки салфеток рассыпаются по полу. Звук обычный, но несколько человек в холле оборачиваются на нас.

— Разговор окончен, — говорю я.

— Нет. Ты попросила меня не использовать Артёма. Я пришёл сообщить, что он сам сделал выбор.

— Ребёнок, которому ты дал только одну версию, не делает свободный выбор.

— Тогда дай ему другую.

Виктор переводит взгляд на Алексея.

— Разумеется, в присутствии независимого аудитора. Сейчас у нас всё независимое.

Алексей не отвечает на насмешку.

— Господин Орлов, финансовая проверка не даёт мне полномочий участвовать в вашем семейном разговоре. Но вы находитесь в помещении, где действует режим фиксации контактов. Если хотите передать документы — передайте. Если хотите обсуждать проверку — сделайте это официально.

— А если я хочу поговорить с женой?

— Она уже отказалась.

Виктор смотрит на меня. Не на Алексея — на меня. Проверяет, позволю ли другому мужчине закончить реплику за меня.

Я вытаскиваю из папки школьный бланк и возвращаю ему остальное.

— Увидимся на совете.

— Завтра, — говорит он. — В девять. Повестку уже разослали.

— Какую повестку?

— Временное отстранение исполнительного директора до завершения проверки.

У меня в руке остаётся лист с гербом школы и пустой строкой для подписи. Ещё один документ, где от меня ждут правильного знака в правильном месте.

— Совет не может рассматривать отстранение без уведомления.

— Теперь уведомлена.

Виктор разворачивается и уходит. Охранник записывает время выхода. Камеры провожают его до машины.

Я смотрю на школьный бланк. Экскурсия в университет назначена на субботу. Артём говорил о ней две недели назад, за ужином. Я ответила, что узнаю про дорогу, и тут же ушла отвечать на звонок из центра.

Не узнала.

Яна подходит с распечатанной повесткой. Письмо пришло на общий адрес три минуты назад, хотя в документе стоит время отправки — десять утра. В списке вопросов только один: временное отстранение до окончания финансовой проверки. Приложением идёт проект решения, где Ксения уже названа исполняющей обязанности.

— Они опять подготовили результат раньше заседания, — говорит Яна.

— Проект не результат. Пока.

Я прошу её сохранить письмо вместе с техническими заголовками, отправить копию аудиторам и проверить устав: сроки уведомления, кворум, право голоса Виктора при личной заинтересованности. Говорю быстро, потому что так проще не смотреть на дверь, за которой исчез сыновний отец.

— А домой ты поедешь? — спрашивает Яна.

— Сейчас.

— Это не рабочая задача.

— Знаю. Поэтому страшнее.

Она забирает у меня повестку, чтобы я не увезла единственный экземпляр в сумке вместе с школьным бланком, телефоном и остатками способности ошибаться.

— Марина Сергеевна, — тихо говорит Алексей.

— Не надо.

Он замолкает.

Это лучше любых правильных слов.

* * *

Дом встречает тишиной и открытым шкафом в прихожей.

Обычно Артём бросает кроссовки так, что один неизбежно оказывается под банкеткой. Сейчас обувь стоит ровно. Куртки нет. На крючке висит только мой плащ и старый шарф Виктора, забытый ещё весной.

Из комнаты сына доносится скрип молнии.

Я снимаю пальто и захожу без стука, но останавливаюсь на пороге.

На кровати раскрыта спортивная сумка. Артём укладывает толстовки, не складывая — сворачивает в комки и вдавливая локтем. На столе лежат учебники, зарядка и коробка с наушниками. Постер над кроватью отклеился с одного края. Я собиралась приклеить его в выходные уже три месяца.

— Надолго? — спрашиваю я.

Артём не оборачивается.

— Не знаю.

— Папа сказал, что на выходные.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Голос ещё подростковый, но Виктор уже научил его говорить через плечо. Не интонации — способ не оставлять собеседнику места.

Я сажусь на стул у стола. Не на кровать. Не трогаю сумку.

— Потому что хочу услышать от тебя.

Он закидывает в боковой карман носки. Молния не закрывается. Артём дёргает её сильнее.

— Я поживу у папы.

— Хорошо.

Он наконец оборачивается.

— И всё?

— А что ты ждал?

— Что начнёшь запрещать. Скажешь, что он меня настраивает.

— Он тебя настраивает?

Артём дёргает молнию. Бегунок застревает на сгибе ткани, и он тянет сильнее, будто проблема в недостаточном усилии.

— Вот. Уже началось.

Я кладу ладони на колени. Кожа сухая, в складках осталась серая пыль от папок. Хочется сказать, что Виктор использует его, что токен был у отца, что система зафиксировала чужую подпись в тот момент, когда я стояла перед людьми. Всё это правда. Но если я разложу перед сыном журналы и сообщения, он перестанет быть сыном и станет членом комиссии.

— Я не буду показывать тебе документы, — говорю я. — И не попрошу выбирать, кому верить.

— Удобно.

— Почему?

Он наконец оставляет сумку и поворачивается ко мне всем корпусом. Теперь разговор перестаёт быть фоном к сборам.

— Потому что тогда можно сказать что угодно. Папа хотя бы объяснил.

— Что именно?

Артём резко закрывает сумку. Молния расходится на середине, и он снова тянет бегунок.

— Что ты подписывала договоры. Что из-за тебя сейчас проверяют весь центр. Что ты могла поговорить нормально, но устроила всё на юбилее. Перед фондом. Перед камерами.

— Часть документов я подписывала.

Он замирает.

Я продолжаю, пока мне хватает воздуха.

— Некоторые — не проверив приложения так, как должна была. Это моя ошибка. Есть документы, которые я не подписывала. Их сейчас отделяют от настоящих.

— Папа говорит, ты просто испугалась ответственности.

— Возможно, со стороны это выглядит именно так.

— А как выглядит не со стороны?

Вопрос бьёт точнее обвинения. Я смотрю на сына. На светлую прядь, которая всегда падает ему на лоб. На маленький шрам у брови — в девять лет он решил перепрыгнуть через скамейку и доказал, что законы физики не зависят от фамилии отца.

— Я увидела приказ о своём уходе с подписью, которую не ставила. Увидела, что мою работу передали другому человеку без моего согласия. И сказала об этом там, где уже объявили ложь от моего имени.

— Можно было потом.

— Можно. Я много лет выбирала «потом».

Артём отворачивается к окну.

— То есть теперь надо разрушить папе карьеру?

— Моя цель — не разрушить его карьеру.

— Но разрушишь.

Я слышу в его голосе не убежденность, а страх результата. Для Артёма отец не должность и не фигурант проверки. Отец — человек, которым он привык гордиться.

— Если он не делал того, о чём я заявила, проверка это покажет.

— А если делал?

Я не отвечаю сразу. В коридоре включается холодильник. Из кухни доносится ровный гул. Дом продолжает жить так, будто в нём ещё есть семья, которой нужно приготовить ужин.

— Тогда последствия будут его, — говорю я. — Не мои.

Артём коротко смеётся. Без веселья.

— Вот как просто.

— Нет. Совсем не просто.

— Ты даже не понимаешь. У меня экзамены. Поступление. Все в школе уже видели видео. Кирилл прислал, как ты вырываешь микрофон у папы.

Он достаёт телефон и показывает короткий ролик. Монтаж начинается с того, как Виктор заслоняет стойку, а заканчивается моим поднятым приказом. Между этими кадрами вырезаны слова о поддельной подписи.

— Я не вырывала микрофон.

— Какая разница?

— Для тебя, может быть, сейчас никакой. Для меня есть.

Он смотрит на меня с раздражением, которое держалось весь разговор и наконец находит выход.

— Ты всегда так. Всё должно быть точно. Формулировки, расписание, кому куда идти. А когда надо просто быть дома, у тебя центр.

Я открываю рот и закрываю.

Это не аргумент Виктора. Это его собственное.

На столе лежит школьный буклет об университете. Я беру его только глазами. Субботняя поездка. Кафедры. День открытых дверей. Артём показывал мне этот буклет. Я помню обложку и не помню, что ответила.

— Ты прав, — говорю я.

Он морщится, словно ожидал защиты, а получил неизвестный предмет.

— В чём?

— Я часто была в центре, когда должна была быть с тобой. И называла это необходимостью. Иногда она действительно была. Иногда мне просто легче было решать чужие задачи, чем замечать, что дома мы давно разговариваем через двери.

Слова выходят медленно. Не красиво. Зато мои.

— Но это не значит, что я должна подтвердить поддельную подпись или согласиться на уход.

Артём опускает взгляд на сумку.

— Папа сказал, если ты подпишешь соглашение, всё закончится.

— Закончится для кого?

— Для всех.

Слово «всех» звучит как обещание вернуть прежний дом одним росчерком. Я понимаю, почему оно работает на шестнадцатилетнего человека лучше любой таблицы.

— Для меня оно закончится тем, что официальной станет версия, которую придумал отец. И ты будешь жить с мыслью, что мать добровольно ушла, потому что виновата.

— А ты не виновата?

— В некоторых вещах — да. В других — нет. Я не буду превращать одну ошибку в признание всего остального.

Он молчит. Потом берёт сумку за ручки.

— Я всё равно поеду к папе.

Горло сжимается. Я встаю, но не перегораживаю дверь.

— Хорошо.

— Не звони ему и не требуй вернуть меня.

— Не буду.

Артём надевает сумку на плечо. Теперь условия звучат не как спор, а как границы, которые он проверяет на прочность.

— И в школу не приходи разбираться.

— Не приду без твоего согласия.

Артём проходит мимо. В дверях останавливается, будто ждёт ещё чего-то. Я тоже жду. Ничего не происходит.

В прихожей он надевает куртку. Я замечаю, что он забыл зарядку, и прикусываю язык. Через секунду он возвращается сам, берёт её со стола и снова идёт к выходу.

— Напиши, когда доедешь.

— Ладно.

Дверь закрывается.

Не хлопает. От этого тише не становится.

* * *

Я остаюсь посреди комнаты Артёма.

На спинке стула висит рубашка для выпускной фотографии. На подоконнике стоят три пустые банки из-под энергетика, которые он прячет от меня с поразительной верой в материнскую слепоту. В ящике стола торчит край старой открытки: «Папе — самому сильному».

Я не убираю ничего.

На кухне ставлю чайник и забываю нажать кнопку. Пять минут стою у холодной кружки, пока телефон не вибрирует.

Доехал.

Одно слово. Я перечитываю его несколько раз и отвечаю:

Спасибо. Я рядом, даже если ты сейчас злишься.

Сообщение отмечается прочитанным. Ответа нет.

Я наконец включаю чайник. В шкафу две полки заняты кружками, которыми никто не пользуется. Виктор привозил их из командировок: гербы городов, названия частей, даты учений. Я достаю обычную белую — без истории.

Телефон звонит до того, как вода закипает.

Виктор.

Я включаю запись разговора и только потом отвечаю.

— Артём приехал?

— Приехал.

На заднем плане слышен телевизор и голос сына. Значит, Виктор звонит не из комнаты. Или хочет, чтобы я так думала.

— Он расстроен, — говорит Виктор. — Ты ещё можешь остановить это.

— Что именно?

— Заявление. Совет. Публичную грязь. Подпиши соглашение утром, и я сниму вопрос об отстранении.

Вода в чайнике начинает шуметь. Виктор снова предлагает обмен, в котором его решение называется заботой, а мой отказ — жестокостью.

— Нет.

— Ради сына ты даже не попробуешь?

— Ради сына я не буду учить его, что правда зависит от того, у кого больше власти.

Виктор выдыхает в трубку.

— Красиво. Запиши и это для следующего выступления.

Я смотрю на незакипевший чайник. Красная лампочка горит, вода начинает шуметь.

— Ты уже рассказал Артёму про совет?

— Он понимает, что взрослые решения имеют последствия.

— Не обсуждай с ним документы проверки.

В трубке на секунду становится тихо. Я слышу, как Виктор закрывает дверь, отделяя наш разговор от сына.

— Ты мне запрещаешь разговаривать с собственным сыном?

— Я устанавливаю границу. Не делай его посредником. Не передавай через него условия.

Не показывай ему материалы, которых он не может проверить.

— А если он сам спросит?

Я смотрю на запись разговора. Красная точка мигает рядом со временем. Эта граница должна быть не красивой, а исполнимой.

— Скажи, что идёт проверка.

— И что мама может оказаться виновной?

— Скажи, что у мамы есть настоящие ошибки и есть подписи, которые она оспаривает.

Пауза.

— Ты начала верить своему аудитору, — говорит Виктор.

— Я начала говорить точнее.

— Завтра совет проголосует. У меня достаточно голосов.

— Тогда тебе не нужно звонить ночью.

Он молчит. На секунду я слышу голос Артёма ближе, потом дверь у Виктора закрывается.

— После завтра ты перестанешь быть директором, — произносит он. — Подумай, кем останешься без центра.

Чайник щёлкает.

— С собой, — отвечаю я и отключаюсь.

Слово звучит увереннее, чем я себя чувствую.

Но в пустой кухне его некому исправить.

Глава 7

В девять утра моё имя уже снято с двери кабинета.

Не табличка целиком. Только прозрачная вставка с фамилией. Под ней осталась должность: **исполнительный директор**. Теперь она принадлежит никому.

Я держу вставку в руке, когда Яна выходит из приёмной с двумя стаканами кофе.

— Быстро работают.

— Кто снял?

— Охранник говорит, распоряжение Ксении. Письменного нет.

Я возвращаю пластину в паз. Она входит с сухим щелчком.

— Тогда это не распоряжение.

Яна протягивает кофе. На крышке маркером написано «без сахара», хотя я пью с сахаром. Мы обе смотрим на надпись.

— Сегодня такой день, — говорит она. — Даже кофе назначили новую биографию.

В актовом зале совет собирается за длинным столом, который вчера стоял у стены под фуршет. Скатерть убрали, но на полированной поверхности остался круг от вазы. Секретарь раскладывает папки. Ксения сидит справа от Виктора и листает проект решения, будто уже принята на работу, которую ещё не получила.

Алексей занимает место у окна. Перед ним только ноутбук и тонкая папка фонда. Он здоровается со мной кивком. Формально. Правильно.

Я сажусь напротив Виктора.

Председательствовать должен заместитель совета, но тот объявляет, что из-за срочности заседание ведёт Виктор. Я поднимаю руку до того, как секретарь включает запись.

— У председателя личная заинтересованность. Он истец по делу о разводе и лицо, чьи действия упомянуты в моей жалобе. Прошу передать ведение заседания заместителю.

Виктор складывает руки на столе.

— Мы обсуждаем работу центра, не семейные отношения.

— Тогда вам особенно легко будет отойти от ведения.

По столу пробегают взгляды. Заместитель совета, пожилой хирург в сером костюме, снимает очки и начинает протирать линзы. Второй мужчина за два дня делает это при мне. Похоже, в гарнизоне так выглядит гражданское мужество: временно ухудшить себе зрение.

— Возражение внесём в протокол, — говорит Виктор. — Оснований менять порядок нет.

— Основание — конфликт интересов.

— Ваше мнение зафиксировано.

Секретарь смотрит на меня. Я жду, пока она действительно печатает, и только потом опускаю руку.

Виктор открывает заседание. Говорит о репутационном кризисе, угрозе гранту и необходимости временно передать управление человеку, не связанному с проверяемыми операциями. Ни разу не произносит слово «подделка». Вместо него — «разногласия по поводу электронного документооборота».

Ксения раздаёт проект решения. В нём мой уход назван добровольным, а публичное заявление — эмоциональной реакцией на семейный конфликт. Следующим пунктом она назначается исполняющей обязанности с доступом к финансовой системе и кадровым решениям.

— На каком основании Ксения Игоревна получает доступ к финансовому контуру, если её рабочее место входит в проверяемую цепочку? — спрашиваю я.

Ксения поднимает голову.

— Моё рабочее место доступно техническому персоналу. Я уже дала объяснение.

— Совету или аудиторам?

— Тем, кто уполномочен его получить.

— Тогда совет не знает содержания.

Виктор стучит пальцем по столу.

— Мы не проводим допрос.

— Вы предлагаете передать управление человеку, чей компьютер использовался для подготовки спорных пакетов. Это не допрос. Это вопрос к решению.

Заместитель председателя перестаёт протирать очки.

— Алексей Петрович, факт использования рабочего места подтверждён?

Алексей не смотрит на меня.

— Подтверждено, что несколько пакетов готовились с учётной записи и устройства К-12, закреплённого за Ксенией Игоревной. Это не устанавливает, кто физически работал за компьютером. И не позволяет предоставить владельцу рабочего места расширенный доступ до завершения первичной фиксации.

Ксения закрывает папку.

— То есть вы меня обвиняете?

— Я описываю ограничение доступа.

— Очень удобно.

— Для сохранности доказательств удобство не критерий.

Виктор переводит разговор на мои подписи. На экране появляется таблица: дополнительные соглашения, акты, даты, суммы. Три строки выделены зелёным — подписи признаны моими. Пять жёлтым — сертификат использован, авторство оспаривается. Две красным — повторные оплаты.

— Исполнительный директор признаёт, что подписывала документы без проверки приложений, — говорит Виктор. — Этого достаточно для временного отстранения независимо от семейного спора.

Слова не новые. Но теперь они звучат перед людьми, которые решают, останется ли моё имя на двери.

Я листаю собственный экземпляр. На второй странице есть пункт о моём якобы добровольном уходе. На третьей — ссылка на приказ, подлинность которого проверяется. Если совет проголосует, он не просто отстраняет меня из-за риска. Он подтверждает ложную исходную версию.

— Я прошу слово до голосования.

— Вам предоставят пять минут, — отвечает Виктор.

— Мне нужно столько, сколько занимает заявление.

Я достаю листы. Ночью текст проверили юрист фонда и Яна — не содержание обвинения, а формулировки фактов. На полях стоят пометки: «не утверждать умысел», «указать источник доступа», «разделить подпись и сертификат».

Руки не дрожат. Это не спокойствие. Просто тело поняло, что отступать больше некуда.

— Первое. Я не подавала заявления об уходе и не давала согласия на передачу полномочий. Приказ с моей электронной подписью оспорен в день вручения. Сертификат официально признан скомпрометированным и приостановлен.

Секретарь печатает. Я слышу каждый удар клавиши.

— Второе. Я признаю три собственноручные подписи под документами, которые не проверяла в полном объёме. Это нарушение моей профессиональной обязанности. Я готова отвечать за него в установленной процедуре.

Ксения смотрит на Виктора. Он не двигается.

— Третье. Пять других операций совершены моим сертификатом в периоды, когда я не находилась у рабочего места. Один пакет подписан во время моего публичного выступления в другом городе. Подготовка части файлов шла с рабочего места К-12. Ночью после сообще-

ния о компрометации использован именной пропуск Ксении Игоревны. Эти факты не доказывают виновность конкретного человека, но требуют сохранения документов и независимой проверки.

— Вы называете моё имя, — говорит Ксения.

Я поворачиваюсь к ней.

— Потому что пропуск и рабочее место зарегистрированы на вас. Я не говорю, что ими пользовались вы.

— Разница для прессы будет огромной.

— Прессы на заседании нет. Если информация появится, источник придётся искать отдельно.

Её губы сжимаются. Наблюдаемая реакция. Не признание.

Я переворачиваю страницу.

— Четвёртое. Последним подтверждённым держателем физического токена был Виктор Андреевич Орлов. Это следует из его сообщения, сохранённого аудитом. Я не утверждаю, что он использовал токен. Я заявляю о возможной подделке электронной подписи, изменении приложений после подписания и попытке оформить мой уход без согласия. Прошу зарегистрировать заявление, передать материалы независимой проверке и не менять полномочия до сохранения доказательств.

Я кладу лист на стол перед секретарём.

Виктор впервые за всё заседание смотрит не на совет, а прямо на меня.

— Ты понимаешь, что официально обвиняешь мужа?

— Я официально сообщаю факты и доступы.

— Не прячься за формулировками.

— Я пятнадцать лет жила внутри твоих формулировок. Теперь будут точные.

Заместитель председателя просит копию заявления. Потом ещё один член совета. Секретарь сканирует листы и присваивает входящий номер. Пока номер не появляется на экране, я не сажусь.

До перерыва слово просит Ирина Павловна, руководитель медицинского блока. Она не смотрит на Виктора. Смотрит на меня, и от этого вопрос труднее.

— Марина Сергеевна, вы сами признали нарушение контроля. Почему совет должен оставить вас в должности хотя бы временно?

В зале становится тихо. Вот вопрос, который нельзя отбить подделкой.

— Потому что сейчас центр работает по системе, которую я знаю целиком, — отвечаю я. — Но этого недостаточно. Поэтому финансовые решения уже идут через двойное согласование, сертификат приостановлен, а новые документы читает второй сотрудник. Если совет считает эти меры недостаточными, назначьте временного операционного заместителя, не связанного с проверяемой цепочкой. Я передам ему доступы по акту.

— То есть вы готовы отдать часть полномочий?

— Готова ограничить полномочия там, где допустила ошибку. Не готова подтверждать добровольный уход и передавать центр человеку, чьё рабочее место проверяется.

Один из представителей гарнизона постукивает ручкой по столу.

— А если выяснится, что никакой подделки не было?

— Тогда я отвечу и за ошибочное заявление. Именно поэтому прошу проверку, а не решение по моей версии.

Он перестаёт стучать. Не потому, что поверил. Потому что услышал цену, которую я не перекладываю на других.

Виктор объявляет перерыв.

— Голосование состоится через десять минут.

— Нет, — говорит Алексей.

Виктор медленно поворачивается к нему.

— Вы приглашённый эксперт. Право голоса у вас отсутствует.

— Согласен. Но фонд вводит запрет на изменение административных доступов лиц, связанных с проверяемой цепочкой. Если совет назначит Ксению Игоревну, доступ всё равно не будет выдан. Если совет отстранит Марину Сергеевну без операционной замены, центр нарушит условия непрерывности программ. Я обязан это зафиксировать до голосования.

— Вы защищаете её.

— Я защищаю действующий контур от решения, которое невозможно исполнить без нарушения распоряжения фонда.

Мне хочется посмотреть на Алексея, но я смотрю на документы. Он не спасает меня. Он называет последствие. Разница должна остаться видимой и мне, и совету.

Перерыв превращается в три отдельных разговора. Заместитель спорит с Виктором у окна. Двое членов совета требуют юридическое заключение. Ксения быстро печатает в телефоне, закрывая экран ладонью.

Яна присылает сообщение: **На сайте готов пресс-релиз о твоём отстранении. Пока не опубликован. Сохранила копию.**

Я показываю экран секретарю и прошу приложить снимок к протоколу как подтверждение заранее подготовленного решения. Виктор замечает движение.

— Ты собираешь мусор вместо доказательств.

— Иногда мусор хорошо показывает, кто был в комнате раньше.

Через двадцать семь минут заседание продолжается. Заместитель председателя зачитывает предложение: голосование приостановить до первичного заключения фонда, заявление Марины зарегистрировать, административные доступы не менять. Операционное управление оставить действующим с двойным согласованием документов.

Виктор голосует против. Ксения права голоса не имеет. Остальные поднимают руки медленно, один за другим.

Пять — за приостановку. Два — против. Один воздержался.

Секретарь удаляет из проекта решения строку о Ксении и меняет статус документа на «не принято». Я прошу сохранить и первоначальную версию. Виктор смотрит на меня так, будто это мелочность. Для него, возможно, да. Для меня разница между двумя версиями документа уже стала вопросом выживания.

Ксения собирает неиспользованные таблички. Её имя напечатано на плотном картоне, моё — на старой прозрачной вставке в двери. Она замечает мой взгляд и складывает свою табличку надписью внутрь папки.

Решение не возвращает мне власть. Оно не оправдывает и не защищает. Но табличка на двери остаётся моей фамилией ещё один день.

После заседания люди выходят быстро. Алексей получает звонок и отходит к окну. Ксения не смотрит на меня. Секретарь уносит протокол, прижав папку к груди.

Виктор остаётся.

Дверь закрывается. Мы вдвоём в зале, где вчера он объявил мой уход.

— Ты получила отсрочку, — говорит он. — Не победу.

— Я знаю.

— Фонд закроет грант. Совет от тебя отвернётся. Сотрудники разбегутся, когда поймут, что зарплаты не будет.

Он подходит к столу и собирает свои бумаги. Движения ровные. Только один лист он дважды не попадает в папку.

— Артём останется со мной, — продолжает Виктор. — Квартира служебная. После отстранения у тебя не будет основания её занимать. А когда проверка подтвердит твои подписи, никто не вспомнит, какие из них ты оспаривала.

Я стою у другого конца стола.

— Это угроза?

— Прогноз.

— Тогда я внесу его в свои записи.

— Записывай всё. Через месяц у тебя останутся только записи.

Он застёгивает папку.

— Центр, сын, имя. Ты потеряешь всё по очереди и будешь уверять себя, что выбрала правду.

Под рёбрами становится холодно. Не из-за центра. Из-за того, как легко он ставит Артёма в один ряд с должностью и квартирой — активы, которые можно перечислить.

— Сын не принадлежит ни тебе, ни мне.

— Посмотрим, к кому он придёт.

Виктор выходит.

Я остаюсь у стола ещё несколько секунд. Потом включаю на телефоне заметки и записываю его слова дословно, пока память не начала защищать меня и смягчать интонации.

Алексей возвращается в зал. Телефон всё ещё у уха, лицо стало жёстче.

— Да, понимаю формулировку, — говорит он. — Нет, остановка всех выплат закроет клинические программы раньше проверки. Дайте мне документ.

Он отключается и смотрит на меня.

— Фонд требует немедленно приостановить грант.

— Когда?

— Сейчас. Решение ещё не окончательное, но у нас меньше суток, чтобы доказать разделение текущих программ и спорных платежей.

На столе между нами лежит проект моего отстранения. Я переворачиваю его чистой стороной вверх.

— Что вам нужно?

— Полная реконструкция финансов за три дня. Без исключений и удобных версий.

— Тогда начинаем.

Алексей качает головой.

— Сначала я должен выбить эти три дня.

За окном Виктор садится в машину. Ксения уже ждёт на пассажирском сиденье.

Моя фамилия всё ещё на двери.

Грант могут закрыть до вечера.

Глава 8

Требование закрыть грант приходит в 11:42.

В письме семь строк. Первые шесть объясняют репутационный риск. Седьмая требует до конца дня остановить все выплаты по программе «Рубежа», включая текущие группы.

Я перечитываю её дважды. Формулировка не меняется.

В комнате совета остались пустые стаканы, перевёрнутая табличка Ксении и проект отстранения Марины. Она стоит у окна, просматривает на телефоне список сегодняшних занятий. Не письмо. Я ещё не переслал ей документ.

— Сколько у нас? — спрашивает она.

— До конца дня, если исполнять буквально.

— А если не буквально?

— Тогда до первого звонка человека, который написал седьмую строку.

Телефон звонит через восемнадцать секунд.

Я включаю громкую связь только после того, как Марина выходит в коридор. Разговор с фондом касается её напрямую, но решение сначала должен принять я. Иначе совместная работа начнётся с попытки разделить ответственность на двоих до того, как она согласилась её нести.

— Гранов, — говорит Евгения Павловна Миронова вместо приветствия. — Вы получили распоряжение?

— Получил.

— Почему подтверждение не отправлено?

— Потому что закрытие всех выплат остановит клинические программы раньше, чем мы установим нарушение.

Я открываю приложение к гранту на разделе о непрерывности помощи. Если спор уйдёт в оценки поведения, документ остаётся единственным общим языком.

— Репутационный ущерб уже установлен.

— Репутация не является предметом поставки по гранту.

На другом конце пауза. Миронова не любит, когда с ней спорят формулировками, если формулировки точные.

— У вас директор публично обвиняет председателя совета и оспаривает собственную подпись, — говорит она. — Совет не может её отстранить. Пресса пишет о хищении. Вы предлагаете продолжать финансировать эту конструкцию?

— Я предлагаю отделить текущие расходы на программы от спорных платежей. Спорный контур уже заморожен. Клинический — работает под двойным контролем.

— На основании вашего предварительного решения.

— Да.

В таблице напротив текущих расходов стоят конкретные группы и зарплаты. Напротив спорных — номера договоров. Мне важно не позволить одному слову «финансирование» снова склеить их.

— И если завтра выяснится, что Марина Орлова участвовала в схеме?

Я смотрю на таблицу перед собой. Три настоящие подписи. Пять спорных операций. Двойная поставка. Устройство К-12. Пропуск Ксении. Сообщение Виктора о токене. Данных достаточно, чтобы не верить никому. Недостаточно, чтобы закрыть программу вместе с людьми.

— Тогда моё решение будет ошибочным, — отвечаю я.

— Это я и без вас понимаю.

— Я оформлю его письменно.

Миронова молчит дольше обычного. Значит, вопрос уже не в том, есть ли риск, а в том, кто согласится поставить под ним фамилию.

— Вы предлагаете фонду принять на себя ещё и вашу профессиональную уверенность?

— Нет. Я предлагаю принять проверяемый план на семьдесят два часа.

Я открываю чистый документ и называю пункты по мере набора: отдельный реестр текущих расходов, запрет новых обязательств, двойное подтверждение каждой операции, непрерывная фиксация доступа, инвентаризация оборудования, восстановление цепочки приложений и отчёт каждые двенадцать часов. Если хотя бы один пункт нарушается, программы останавливаются автоматически.

Миронова слушает без перебиваний. Это хуже спора. Значит, ищет не слабое слово, а слабую конструкцию.

— Кто отвечает за полноту документов? — спрашивает она.

— Орлова как исполнительный директор и я как руководитель проверки.

— Совместная ответственность создаёт конфликт.

— Разделённая. Она раскрывает и подтверждает источники. Я определяю, что принимается в доказательную цепь и что передаётся фонду.

Я переносу это различие в проект распоряжения. Устное объяснение исчезнет после звонка, строка останется.

— А если она скроет документ?

— Тогда получим основание закрыть грант и передать материалы дальше.

— Если скроет так, что вы не заметите?

Вопрос справедливый. Именно поэтому неприятный.

— Это риск любой проверки. Я уменьшаю его независимыми источниками: системой электронного документооборота, банком, контрагентами, журналами доступа и инвентаризацией.

— Вы давно знаете Орлову?

— Лично — третий день.

В стекле двери снова проходит её отражение. Этот факт не относится к аргументам, и я намеренно не поворачиваюсь.

— Тогда не рассказывайте мне о её характере.

— Я и не рассказываю.

За дверью проходит Марина. В стекле виден её силуэт и папка, которую она несёт к бухгалтерии. Она не останавливается узнать, чем закончился разговор.

— Семьдесят два часа, — говорит Миронова. — Не больше. Письменное обязательство — в течение часа. Любая операция вне списка, любое изменение архива, любая попытка вывести документы — немедленная остановка. И не превращайте центр в личный крестовый поход.

— Не планировал.

— Обычно не планируют.

Связь обрывается.

Я сохраняю документ под собственным именем. В строке «ответственный за решение» не указываю группу. Только себя.

Сотрудник моей группы, который восстанавливает журнал электронного документооборота, заглядывает в комнату. Он видит письмо фонда на экране и задерживается у двери.

— Закрываем?

— Спорные платежи — да. Программы — нет. У нас семьдесят два часа.

— Если не успеем, в отчёте будет, что вы оставили финансирование директору с подтверждёнными нарушениями.

Он прав насчёт будущего отчёта. В нём никто не услышит сегодняшний гул групп на первом этаже. Поэтому причина должна быть записана сейчас.

— В отчёте будет, что я оставил целевые расходы под контролем при двух конкурирующих версиях событий.

— Это длиннее.

— Зато точнее.

Он не улыбается. Мы оба знаем, как такие решения читаются через год: обстоятельства исчезают, остаётся подпись внизу.

Я прикладываю к обязательству отдельную таблицу рисков. Не только риск хищения. Риск остановки терапии, срыва зарплат, утраты данных, уничтожения доказательств, давления на свидетелей. Напротив каждого — действие и человек, который отвечает. В последней строке пишу: «Ошибка предварительной квалификации руководителем проверки». Фамилия подставляется автоматически.

— Передайте группе, — говорю я. — Никто не работает один с оригиналами. Для каждой выгрузки сначала фиксировать контрольную сумму, только потом открывать. Контакты с советом и подрядчиком — только через журнал.

— А Орлова?

— Проверяемое лицо. Доступ — по акту, объяснения — с источником.

Он кивает и уходит. Только после этого я отправляю обязательство Мироновой.

* * *

Марину нахожу в бухгалтерии. Перед ней четыре коробки, две папки и Тамара Ивановна, которая отвечает на вопросы так, будто каждое слово потом предъявят её внукам.

— Заявки по действующим группам здесь, — говорит Марина. — Отдельно хозяйственные расходы и зарплатный контур. Ничего нового не согласовано.

Я кладу на стол распоряжение.

— Фонд дал семьдесят два часа.

Тамара крестится. Быстро, почти незаметно.

Марина читает условия стоя. На пункте о личной ответственности останавливается.

— Вы подписали это один?

— Да.

— Зачем?

— Потому что решение моё.

Марина перечитывает строку с моей фамилией. Я не могу определить, что именно она думает, но документ возвращает мне её внимание уже без раздражения.

— Оно сохраняет центр.

— На три дня. Если документы подтвердят разделение расходов.

Она дочитывает до конца и возвращает лист.

— Что требуется от меня?

— Полное раскрытие. Все реальные подписи, даже если они ухудшают вашу позицию. Личные записи, если по ним можно восстановить встречи и передачи документов. Никакого контакта с подрядчиками без фиксации. Никаких самостоятельных поисков в системах, где у вас нет текущего доступа.

— И никаких привилегий, потому что я заявитель.

— Особенно поэтому.

Марина берёт ручку, но не подписывает сразу.

— В пункте четыре написано, что я подтверждаю полноту переданного перечня. Я не могу подтвердить то, о существовании чего не знаю.

— Предложите формулировку.

Она перечёркивает строку и пишет: «Подтверждаю передачу всех известных мне документов и обязуюсь незамедлительно сообщать о вновь выявленных». Почерк ровный, без декоративных петель.

— Принимается, — говорю я.

— И ещё. Решения по текущим пациентам не входят в совместную работу. Вы проверяете финансирование, не методику.

— Это уже зафиксировано.

Она не убирает ручку. Значит, ей важно не напоминание, а подтверждение, что граница действует и в устной работе.

— Повторяю, чтобы через двое суток усталость не расширила ваши полномочия.

— Разумно.

Она ставит бумажную подпись. Потом переворачивает документ ко мне.

— Теперь вы.

Я подписываю рядом.

Тамара смотрит на две подписи и вздыхает.

— В нормальных местах люди сначала договариваются, потом работают.

— Это миф, — говорит Марина. — В нормальных местах просто лучше оформляют последствия.

На секунду в комнате становится легче. Не весело. Достаточно, чтобы открыть следующую коробку.

Мы делим задачи. Моя группа восстанавливает техническую цепочку: версии файлов, время подключений, банковские маршруты. Марина и бухгалтерия собирают основания платежей и реальные поставки. Яна ведёт журнал внешних контактов и второе чтение новых документов. Каждые шесть часов сверяем списки, не передавая друг другу выводы заранее.

Марина ставит себя и бухгалтерию в ночную смену до утра. Тамара сразу соглашается, хотя третий раз за минуту ищет очки, которые держит в руке. Я вычёркиваю обеих после двух часов.

— Мы потеряем время, — говорит Марина.

— Мы потеряем доказательства, если уставший человек перепутает папки или подтвердит то, чего не помнит.

— Я работала без сна и дольше.

— Я видел два исправленных вами документа за утро. Яна поставила отметку второго чтения. Значит, риск уже не теоретический.

Она смотрит на таблицу смен. Несколько секунд я жду, что она снова назовёт собственную усталость рабочей необходимостью.

— Четыре часа, — говорит Марина. — Потом меня будят на сверку.

— Пять. И не в кабинете на диване. Домой или в комнату отдыха без документов.

— Вы всегда торгуетесь чужим сном?

— Только когда он влияет на достоверность отчёта.

Марина переводит себя в утреннюю смену. Не благодарит. Это тоже правильно: базовая безопасность не подарок.

— Почему не заранее? — спрашивает Марина.

— Чтобы ваша память не подстроилась под наши данные, а наши выводы — под вашу версию.

Она кивает. Не обижается. Это ещё не доверие. Это профессиональная дисциплина, которую часто ошибочно принимают за холодность, пока не становится поздно.

* * *

К вечеру центр меняет ритм.

Занятия идут на первом этаже. На втором сканируют акты. В серверной сотрудник фонда восстанавливает удалённое вложение. В бухгалтерии Тамара называет номера папок быстрее, чем успевают записывать. Каждая дверь открывается по журналу, каждый носитель получает отдельный пакет.

Инвентаризацию начинаем с кабинета № 2, который указан в двух актах. По первому договору там должны стоять тренажёр, система биологической обратной связи и два рабочих модуля. Всё на месте. Серийные номера совпадают с накладной. По второму акту принят такой же комплект, но сотрудники не помнят второй поставки.

— Возможно, оборудование перенесли в филиал, — говорит заведующий хозяйством.

— Основание перемещения? — спрашиваю я.

Он перебирает ключи и признаёт, что акта не видел. Марина не подсказывает удобное объяснение. Просит проверить склад, филиал и журнал транспорта отдельно.

На тренажёре потёрта ручка, под ножкой лежит сложенный картон. Оборудование используется давно. Для проверки это не доказательство стоимости, но подтверждение, что первый комплект не был декорацией к отчёту. Я фиксирую состояние и запрещаю перемещать его до сверки.

— Если второго комплекта нет, — говорит Марина, когда хозяйственник уходит, — значит, кто-то подписал приёмку пустоты.

— Или комплект есть в другом месте, а документы оформлены с нарушением. Пока обе версии открыты.

Она принимает поправку без спора.

Марина работает за свободным столом в методическом кабинете. Её кабинет опечатан частично: документы доступны только при аудиторе. Она не просит исключения. Даже когда нужный календарь лежит в ящике в трёх метрах от неё.

— Мне нужен бумажный ежедневник за прошлую весну, — говорит она.

— Для чего?

— Я записывала встречи с поставщиками и дни, когда Виктор привозил документы домой.

— Подождите сотрудника группы.

Она ждёт. Семь минут. Не подходит к двери, не напоминает, не объясняет, что это её кабинет. Когда ежедневник приносят в прозрачном пакете, Марина просматривает записи через плёнку, пока мы не оформляем вскрытие.

В девять вечера мы сводим первый список.

Три подписи подтверждаются её календарём и входящими письмами. Две операции пока не имеют бумажных оснований. По одной поставке найдено оборудование. По повторной — только акт и совпадающие серийные номера.

— Здесь, — говорит Марина и ставит палец рядом с датой. — В этот день Виктор привёз пакет домой. Я подписала титульный лист и два приложения.

— Вы читали оба?

— Первое — да. Второе пролистала. Он сказал, что там изменён срок поставки.

Она не отводит взгляд от собственной записи. На этой стадии мне важнее сохранить точность ответа, чем ускорить признание.

— Что было на самом деле?

— Пока не знаю.

Она не добавляет, что доверяла мужу. Не объясняет, почему торопилась. Только фиксирует действие.

Я открываю восстановленную версию пакета. В журнале четыре вложения. Последнее добавлено через сорок три минуты после подписи титульного листа. Название нейтральное: «Приложение_финал_2».

— Этот файл вы видели?

Марина наклоняется к экрану, но не касается стола. Читает сумму, перечень оборудования, адрес поставки.

Её лицо меняется не сразу. Сначала взгляд задерживается на номере кабинета. Потом на дате. Пальцы сжимаются на краю ежедневника.

— Видела похожий, — говорит она. — Но сумма была другой.

— Насколько?

— Почти вдвое меньше.

— Вы уверены?

Она открывает ежедневник на нужной странице. Между встречей с логопедом и звонком в школу Артёма записано: «Пакет В. — 4,8. Каб. 2. Срок июнь». В восстановленном приложении стоит 9,1 миллиона.

— Я сама записала сумму, — говорит Марина. — Потому что она показалась слишком большой для одного кабинета.

— И всё равно подписали титульный лист?

Вопрос остаётся между нами. Можно смягчить. Не нужно.

— Да.

Она закрывает ежедневник.

— Этот пакет я помню.

В коридоре кто-то включает кофемашину. Механизм гудит, потом выплёвывает пустой стакан без кофе.

Семьдесят два часа начинаются не с найденной подделки.

С настоящей подписи Марины под документом, которого она не дочитала.

Глава 9

На экране стоит сумма 9,1 миллиона.

В ежедневнике моей рукой написано 4,8.

Между двумя цифрами — четыре миллиона триста тысяч и пятнадцать лет привычки не задавать Виктору второй вопрос, если первый его раздражал.

Алексей не закрывает файл. Не торопит. Сидит напротив и ждёт, пока я сама выберу, что сказать.

— Титульный лист я подписала, — говорю я. — И два приложения.

— В каком порядке?

— Сначала договор. Потом приложение с перечнем оборудования. Последним — изменение срока поставки.

— Этот файл вы видели?

Он поворачивает ноутбук чуть ближе. В восстановленном приложении не только новая сумма. Появился второй комплект оборудования и другой получатель внутри нашей структуры.

Я читаю строку до конца.

— Нет.

— Уверены?

— Я помню таблицу. Там был один комплект для второго кабинета. Система обратной связи, тренажёр, два модуля. Сумма — четыре восемьсот. Я записала её, потому что Виктор торопил, а мне показалось много.

— Что вы сделали после того, как показалось много?

Вопрос простой. Ответ нет.

Я откидываюсь на спинку стула. Методический кабинет ночью выглядит временным: папки на полу, пустые стаканы, куртка Яны на подоконнике. За дверью гудит сканер. Кто-то кашляет в коридоре и снова листает бумаги.

— Спросила Виктора.

— Что он ответил?

— Что поставщик поднял цену, а если мы не подпишем сейчас, оборудование уйдёт другой организации. Сказал, что он уже согласовал скидку и нам повезло.

Память возвращает не слова, а его раздражённый взгляд на часы. Тогда я почувствовала, что проверка документа — каприз, который оплачивают пациенты.

— Вы проверили коммерческое предложение?

— Нет.

Слово остаётся между нами. Без оправдания оно звучит громче.

— Почему?

Я смотрю на календарь. В тот день между звонком в школу и пакетом Виктора стоит запись: «Группа 18:00 — перенос». Я помню кухню. Артём сидит за столом с учебником, просит проверить презентацию. Телефон звонит из центра: ведущий заболел, группа без специалиста. Виктор кладёт документы рядом с моей тарелкой.

— Потому что опаздывала, — отвечаю я. — Потому что группа могла сорваться. Потому что Виктор сказал, что всё проверил. И потому что мне было проще верить ему, чем признать, что я не успеваю контролировать и центр, и дом.

— Это объяснение или причина?

— И то и другое. Не оправдание.

Алексей делает пометку. Я вижу только дату и слово «лично».

— Вы подписывали пустые листы?

— Нет.

— Титульные отдельно от приложений?

— Иногда пакет был собран не полностью. Виктор приносил основной лист и говорил, что технические приложения дошлют утром. Я ставила подпись на титульном и оставляла пакет у него.

Я слышу собственный ответ как описание чужой системы. Но каждое действие моё: подписала, оставила, не проверила возврат.

— Сколько раз?

— Не знаю.

— Примерно.

Я закрываю глаза на секунду. Не чтобы вспомнить — чтобы не видеть его лицо, пока называю число.

— За три года, возможно, восемь или десять.

Ручка Алексея останавливается.

— Восемь или десять пакетов?

— Да.

Перед глазами снова возникает тот вечер. Не весь — только кухня, жёлтый круг света над столом и Викторова ладонь на закрытой папке.

— Здесь срок и спецификация, — говорит он. — Подпиши, курьер ждёт внизу.

— Я не видела окончательную смету.

— Видела вчера. Ничего не изменилось, кроме срока.

Из комнаты Артёма доносится музыка. Телефон на столе звонит третий раз. На экране имя администратора центра.

— Мне нужно прочитать.

Виктор смотрит на часы.

— Тогда завтра объясни группе, почему тренажёр ушёл другому центру. Марин, я уже всё проверил. Ты мне доверяешь или нет?

Я помню, как вопрос превращает документ в проверку брака. Если читаю — не доверяю мужу. Если подписываю — спасаю программу и сохраняю мир на кухне.

Я ставлю подпись.

Тогда это кажется выбором между срочностью и подозрительностью. Сейчас я вижу третий вариант: остановить сделку, позвонить поставщику, зафиксировать неполный пакет. Он был неудобнее. Не невозможен.

— Вы понимаете, что это не единичная невнимательность? — спрашивает Алексей.

— Теперь понимаю.

— А тогда?

— Тогда каждый раз был последний. Срочная закупка. Закрытие квартала. Командировка. Пациенты ждут. Подрядчик уйдёт. В каждом отдельном вечере причина казалась достаточной.

Горло пересыхает. Я тянусь к стакану и обнаруживаю, что он пуст.

Алексей встаёт, наливает воду из кулера и ставит рядом. Не говорит «успокойтесь». Не делает вид, что стакан решает разговор.

— Спасибо.

— Продолжим?

— Да.

Я пью и открываю ежедневник на других датах. Ищу букву «В.» рядом с суммами. Раньше это означало «Виктор привёз документы». Теперь каждая запись выглядит как маленькая дверь, которую я сама оставила открытой.

Находим ещё четыре вечера. В двух есть номера договоров. В одном — только «акт, срочно». В последнем рядом написано: «Артём, врач 17:30». Я пропустила приём. Виктор отвёз его сам и потом неделю напоминал, что без него я не справляюсь.

— Эти записи передаются в проверку, — говорит Алексей.

Я кладу ладонь на ежедневник.

В нём не только договоры. Дни рождения, школьные собрания, записи о лекарствах матери, заметки о ссорах, которые я не называла ссорами. На одной странице — «Виктор не ночевал, штаб». На другой — «не спрашивать при Артёме».

— Личные записи тоже?

— Только относящиеся к датам и передаче документов. Сделаем копии страниц, остальное закроем при фиксации.

— Кто увидит оригинал?

— Я и сотрудник группы при оформлении. При необходимости — комиссия. Не совет целиком и не пресса.

Он отвечает без раздражения. Я убираю руку.

— Хорошо.

Мы оформляем передачу. На копиях закрывают полосками всё, что не относится к проверке. Я сама проверяю каждую страницу перед сканированием. Не потому, что не доверяю Алексею. Потому что доверие не отменяет границы.

Когда последняя копия получает номер, я подписываю акт бумажной ручкой. Впервые за два дня собственная подпись выглядит не угрозой, а действием, которое я выбрала.

— После проверки этого недостаточно, — говорю я.

Алексей закрывает пакет с копиями.

— Чего?

— Наказать виновных и вернуть старый порядок. Старый порядок позволял приносить титульные листы домой, менять приложения после согласования и ссылаться на срочность. Даже если Виктор не подделал ни одной подписи, система была плохой. Я её возглавляла.

Алексей закрывает пакет с копиями, отделяя уже переданные факты от моего будущего намерения.

— Это уже вывод для комиссии.

— Это решение для меня. Все пакеты только в одной версии, приложения с отдельными контрольными суммами, никакой подписи вне системы согласования, даже если поставка горит. И человек, который отвечает за программу, не должен один отвечать за закупку.

— Запишите как предложение, не как уже принятое правило. Полномочия совета пока действуют.

Я открываю чистую страницу ежедневника и записываю. Впервые не дату чужого срочного пакета, а правило, которое будет мешать мне самой.

* * *

В 02:10 сверка даёт первую устойчивую картину.

Три пакета совпадают с моими записями и внешними письмами. Это настоящие подписи и настоящие нарушения контроля. По пяти спорным операциям время сертификата не совпадает с моим физическим местонахождением или пакеты менялись после подписания. Один маршрут пока смешанный: титульный лист мой, приложение заменено позже.

Алексей выводит таблицу на большой экран.

— В отчёте эти группы будут разделены, — говорит он. — Ваши признанные нарушения не исчезнут. Но они не будут использоваться как автоматическое подтверждение остальных операций.

Я смотрю на зелёные и жёлтые строки.

— Виктор скажет, что я придумала разницу после начала проверки.

— Поэтому есть независимые источники: календарь, письма, журнал версий, выступление в другом городе, данные пропуска.

— А если комиссия решит, что я всё равно отвечаю за сертификат?

Он не отвечает сразу. Не из сочувствия — проверяет границу между прогнозом и компетенцией.

— Решение комиссии я не предсказываю.

— Вы никогда ничего не обещаете?

— Обещаю то, что зависит от меня.

Я смотрю на таблицу, где мои настоящие подписи отделены от спорных хотя бы цветом.

— И что сейчас зависит?

Он поворачивается ко мне.

— Что в предварительном отчёте ошибка и возможная подделка будут разными выводами.

Не защита. Не прощение. Точная граница, которой мне никто не давал дома.

— Этого достаточно, — говорю я.

Алексей опускает взгляд к таблице. Наверное, чтобы проверить следующую строку. Я не придумываю за него причину.

* * *

В половине третьего ломается кофемашина.

Она сначала шумит, потом выдаёт кипяток с запахом старого пластика. Яна пробует и ставит стакан обратно.

— Если нас не посадят за документы, нас добьёт местный кофе.

— Кофе хотя бы не подделывает подписи, — говорю я.

— Не оправдывай его. Мы ещё не проверяли сертификат.

Тамара спит в комнате отдыха, завернувшись в плед до носа. Двое аудиторов работают в серверной. На несколько минут в методическом кабинете остаёмся только мы с Алексеем.

Он достаёт из сумки термос и наливает чай в крышку.

— Это уже конфликт интересов? — спрашиваю я.

— Чай?

— Личный ресурс руководителя проверки передаётся проверяемому лицу.

— Запишем как целевую помощь без права влияния на выводы.

Он ставит передо мной вторую крышку. Чай крепкий, без сахара. Я добавляю две ложки из общего стаканчика.

— Варварство, — говорит Алексей.

— Наконец-то личное мнение.

Мы пьём молча. За окном пустая парковка, на стекле отражается таблица договоров. Ничего романтического в двух людях, которые ночью едят сухое печенье над возможным хищением. И всё же тишина впервые не требует от меня защищаться.

Телефон вибрирует.

Сообщение от Артёма: **Ты не подписала разрешение на субботу.**

Я открываю школьный бланк, который ношу в сумке со вчерашнего дня.

— Нужен свидетель бумажной подписи? — спрашиваю я.

Алексей смотрит на форму.

— Для школьного согласия — нет. Но проверьте, что подписываете.

— Очень смешно.

— Я не шутил.

Я читаю документ полностью. Маршрут, время, сопровождающий, согласие на медицинскую помощь. В строке даты ставлю сегодняшнее число. Фотографирую и отправляю Артёму.

Оригинал передам утром. Хорошей поездки.

Он отвечает через минуту:

Спасибо.

Не примирение. Контакт.

Я открываю переписку выше. Последние недели состоят из коротких поручений: «Купи хлеб», «Буду поздно», «Деньги на проезд отправила». Между ними Артём дважды присылал ссылки на университет и один раз — фотографию макета, который сделал для школьного проекта. На обе ссылки я поставила сердечки. На фотографию ответила: «Красиво».

Сейчас мне хочется написать длинное объяснение, спросить, как он, напомнить, что люблю. Я набираю первую строку и стираю. Ночная вина не должна становиться ещё одной обязанностью сына — срочно утешить мать.

Вместо этого отправляю: **Когда вернёшься, покажешь мне проект? Я пропустила детали.**

Сообщение остаётся непрочитанным. Я принимаю и это.

Я убираю телефон и возвращаюсь к таблице.

* * *

К четырём утра восстановлено удалённое вложение из смешанного пакета.

Файл создавался на К-12. Первая версия содержит одну сумму. Через час появляется вторая, увеличенная. Между версиями в журнале есть вход пользователя Ксении и подключение моего сертификата.

— Этого недостаточно, чтобы установить человека, — напоминает Алексей.

— Знаю.

— Но есть календарь доступа к переговорной.

Он открывает внутреннюю систему бронирования. В день изменения приложения переговорная № 3 была зарезервирована Виктором с 18:00 до 19:00. В списке участников — Ксения Радина и представитель подрядчика. Формально обычная рабочая встреча.

В 18:12 создаётся новая версия приложения.

В 18:46 пакет отправляют мне на подпись.

В 19:03 в моём ежедневнике стоит: «В. привёз домой. Срочно».

Я провожу пальцем вдоль времени. Цепочка не доказывает, о чём они говорили. Но впервые документы выстраиваются не вокруг моей памяти, а вокруг их действий.

— Виктор встречался с Ксенией за час до того, как привёз мне пакет.

— Да.

— И приложение изменили во время встречи.

— С рабочего места Ксении. Кто работал за ним, пока не установлено.

Я киваю. Точность снова раздражает и удерживает одновременно.

На экране три времени стоят одно под другим.

18:12 — файл изменён.

18:46 — отправлен.

19:03 — Виктор приносит пакет домой.

Моя ошибка остаётся моей.

Я могла дочитать пакет. Могла остановить подпись. Могла не позволять мужу превращать срочность центра в семейный аргумент. Эти возможности не исчезают от того, что файл меняли без меня.

Но и чужие действия не становятся моими только потому, что я однажды оставила дверь открытой.

Я прошу приложить к таблице обе версии файла, запись из ежедневника и бронь переговорной. Алексей отмечает источники отдельно. Ни один из них не решает дело сам. Вместе они задают направление следующей проверки.

Моя ошибка остаётся моей.

Но теперь у неё появляется маршрут, по которому к ней пришли чужие четыре миллиона.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.